

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ПЛАМЯ НАДЕЖДЫ

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Наемник. Книга 2. Пламя надежды

«Автор»

2010

Ливадный А. Л.

Наемник. Книга 2. Пламя надежды / А. Л. Ливадный — «Автор»,
2010 — (Экспансия: История Галактики)

ISBN 978-5-699-42479-5

В самом разгаре Галактической войны по приказу адмирала Воронцова у двадцати тысяч верно служивших людям андроидов была стерта личность, и они превратились в бездумных роботов-солдат. Война закончилась, и уцелевшие обладатели искусственного интеллекта решили отомстить тем, кто их предал. И на одной из планет Окраины в глубокой тайне начали создаваться клоны для подмены людей, занимавших ключевые посты в иерархии Центральных миров. Казалось, человеческая цивилизация обречена! На фоне вселенских катаклизмов что значила судьба пилота Глеба Дымова и второй половинки его души – «Одиночки» Ники-Рейчел? Но именно им суждено было сыграть ключевую роль в роковом противостоянии... Роман «Пламя надежды» продолжает трилогию «Наемник».

ISBN 978-5-699-42479-5

© Ливадный А. Л., 2010

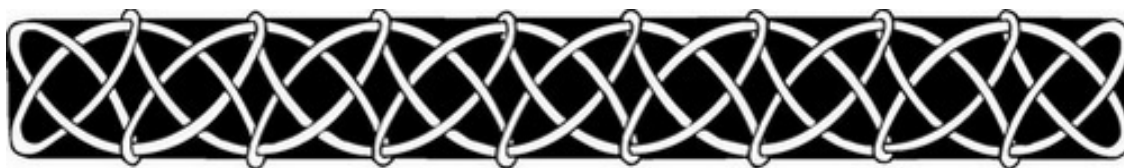
© Автор, 2010

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Ливадный

Пламя надежды

Пролог

У каждого искусственного интеллекта есть судьба.

С тех пор как на далекой планете Земля людьми был изготовлен первый нейромодуль, мир необратимо изменился.

Мы долго тешили себя иллюзиями, придумывали законы робототехники, выстраивали схемы обучения «ИИ», планируя, какими качествами должны будут обладать искусственные сознания машин, а они уже существовали параллельно с нами, поначалу в виде примитивных нейрокомпьютеров – маломощных, еще не осознающих факта собственного бытия, затем, со стартом колониальных проектов, настала эпоха взрывообразного развития технологий, и понятие «нейрокомпьютер» существенно расширилось, появились первые модели механизмов андроидного типа – их оснащали достаточным количеством нейрочипов для формирования собственного взгляда на окружающий мир, но потенциал человекоподобных машин не был должным образом изучен и оценен. Их по-прежнему именовали «кибернетическими механизмами», отводя нейромодулям андроидов знаменитой серии «Хьюго» вторичную, вспомогательную функцию.

В эпоху Великого Исхода, когда ежемесячно из Солнечной системы стартовало по нескольку колониальных транспортов, понадобилась техника, способная гибко реагировать на различные нештатные ситуации, самообучаться в процессе борьбы за выживание в условиях чуждых человеку миров.

Так называемые «фирмы-отправители», занимавшиеся постройкой и комплектацией межзвездных кораблей, щедро раздавали обещания, но на самом деле не имели возможности произвести предварительную разведку планет, куда отправлялись колонисты.

Идея с андроидами, способными защитить людей, выстроить первичное колониальное убежище, действуя в заранее непредсказуемых обстоятельствах, многим показалась удачной, и в результате миллионы человекоподобных машин, оснащенных нейронными сетями, отправились к звездам на борту колониальных транспортов и канули в пучинах аномалии космоса, разделив с потерянными в пространстве людьми судьбу невозвращенцев эпохи Великого Исхода.

Четыре столетия андроиды серии «Хьюго» вместе с людьми несли на своих плечах все тяготы освоения чуждых миров. Прибывая в колонию, они находились в самом начале нелегкого пути саморазвития, ими руководили базовые программы, а нейромодули, где, по замыслу конструкторов, должен был накапливаться «опыт выживания», были чисты, как страницы еще не написанной книги судеб.

А судьбы планетных цивилизаций, в среде которых формировался и креп искусственный разум андроидов, складывались по-разному. Одни анклавов погибали, не выдержав противостояния с агрессивными биосферами враждебных людей планет, другие деградировали, постепенно теряя знания, скатываясь во мрак невежества, третьи застывали в стасисе, и лишь малая часть человеческих поселений продолжала развитие, двигаясь по пути научно-технического прогресса.

Сменялись поколения людей. Прибывших вместе с первыми поселенцами андроидов становилось все меньше. К ним по-прежнему относились как к сложным бытовым механизмам, а они, обладая иной сенсорикой, воспринимая окружающее иначе, чем мы, постепенно формировали недоступные для человеческого понимания системы ценностей, вырабатывали собственные понятия целесообразности, свою мотивацию поступков.

Они эволюционировали, но этот факт оставался незамеченным, пока четыре столетия спустя после Великого Исхода не грянула Галактическая война и многие андроиды легендарной серии «Хьюго» сознательно встали на защиту своих планет – они воевали наравне с людьми,

даже те, кто давно потерял своих «хозяев» и долгое время существовал вдали от человеческих поселений, возвращались: искусственным рассудкам оказалось не чуждо понятие «родина», и ассоциировалось оно не с цехом, где когда-то собрали человекоподобный механизм, а с конкретной планетой, где однажды произошло таинство осознания факта собственного бытия.

Война...

Она вспыхнула как пожар, сжигая миры, унося миллионы жизней.

В горниле чудовищного противостояния Земли и Колоний зародился и стремительно эволюционировал новый тип искусственного интеллекта – модуль «Одиночка», изначально созданный для управления сложными боевыми планетарными комплексами, а затем, по мере совершенствований, интегрированный в системы космических кораблей.

Война, спланированная Земным правительством Джона Хаммера как серия сокрушительных, победоносных ударов по развитым колониям, неожиданно приняла затяжной характер. Земные армады безраздельно царили в космосе, но десантные подразделения Альянса внезапно получили жесточайший отпор, терпя поражение за поражением при попытках захвата планет.

Начался неизбежный виток гонки вооружений и технологий, породивший несколько типов боевых искусственных интеллектов. Однако хладнокровные механические убийцы, уже не связанные канувшими в Лету ограничениями «законов робототехники», тем не менее не справились с поставленными перед ними задачами стремительного, победоносного захвата планет. Они безнадежно проигрывали в схватках с людьми, их подводила машинная логика. Кибернетические системы были неспособны просчитать действия человека, движимого чувством самопожертвования. Такие понятия, как «героизм», «трусость», «храбрость», «ярость», «любовь» и «ненависть», не поддавались оцифровке, и в результате машины оказались бессильными перед импульсивными поступками людей. Колонисты, защищавшие каждую пядь земли, с удручающей регулярностью уничтожали баснословно дорогие кибернетические комплексы, и тогда в рубках серв-машин Земного Альянса появились пилоты, чей разум был напрямую соединен с модулем искусственного интеллекта.

Этот адский синтез породил самое жуткое из исчадий высочайших технологий – усовершенствованный модуль «Одиночка» стремительно обучался у человека приемам нестандартного мышления, кибернетическая система боевой машины начинала отождествлять себя с личностью пилота, а тот, в свою очередь, открывал иную, немислимую грань реальности – его рассудок сливался с машиной, воспринимая ее как часть собственного тела, а «Одиночку» – как частицу своего рассудка.

Люди погибали.

Десятки тысяч разбитых серв-машин оставались чернеть на полях сражений.

Лишь модули искусственного интеллекта, впитавшие через шунт прямого нейросенсорного контакта не только частицу личности и боевого опыта человека, но и все деформации сознания пилота, вкусившие непостижимую для машины гамму человеческих чувств, обретшие запредельный для кибернетической системы боевой опыт, частично пораженные безумием, вновь неизбежно возвращались в строй. Их извлекали из груд искореженного металла, тестировали, устраняли мелкие поломки, а затем устанавливали в исправные, только что сошедшие с конвейера серв-машины и вновь бросали в бой, иногда под управлением пилота, но чаще – в автономном режиме, ведь модуль «Одиночка» продолжал действовать так, словно в рубке по-прежнему находился человек, частица сознания которого сохранилась в искусственных нейросетях.

Учитывая все перечисленное, возникает закономерный вопрос: кто в период войны являлся носителем истинного, самобытного, искусственного разума – колониальные модели «Хьюго», самостоятельно постигавшие окружающий мир на протяжении четырехсот лет

колонизации иных миров, или модули «Одиночка», чье сознание базировалось на фрагментах человеческого восприятия и было рождено в техногенном аду жесточайших схваток?

Эрест Норг Логвил. Новейшие исследования.

Издание 2640 года...

Глава 1 СИСТЕМА ДАБОГ

Пепельно-серые, клубящиеся, грибовидные выбросы ядерных взрывов царили над материком.

Растительность погибла, темные облака затянули небосвод, шквалистый ветер налетал порывами, обугленные руины города вздымались к свинцовым небесам обвалами этажей.

Вокруг ни души.

Сминаемая ветром пелена радиоактивного дождя хлестала по земле, пузырилась мертвыми лужами, стекала мутными потоками, как будто уничтоженная природа планеты в последнем усилии пыталась смыть пепел, но тщетно – он превращался в липкую грязь, образуя огромные озера вязкой жижи.

На окраине города, там, где недавно кипела схватка между десантными подразделениями прародины и несколькими аграрными роботами колонистов, на перекрестке у дорожной развязки, под липким слоем грязи угадывался контур человеческого тела.

От земли шел пар.

Внезапно фигура шевельнулась, начала неловко подниматься, а через несколько секунд стало понятно: это не человек, а механизм андроидного типа.

Неуклюже привстав, он повернул голову, осматривая неузнаваемо изменившиеся окрестности, затем слепо пошарил рукой вокруг себя, с тонким всхлипом сервомоторов вырвал из-под радиоактивной грязи сумку с продуктами – перед внезапно обрушившимся на планету ядерным ударом андроид возвращался домой из ближайшего магазина.

Его пеноплоть обуглилась, из-под лохмотьев одежды торчали ребра эндоостова, на правой щеке в глубине рваной раны нервно подергивались тонкие нити мимических приводов.

Сбой системы. Попытка перезагрузки.

Сообщение пульсировало перед «внутренним взором» человекоподобной машины.

Затем на некоторое время наступила тьма.

Дождь прекратился, с налитых свинцом небес, медленно кружа, будто нереальный снегопад, осыпались крупные хлопья пепла.

Кибернетическое ядро успешно перезагрузилось. Андроид, застывший, будто манекен, по колено в грязи, пошевелился, повернул голову, затем наклонил ее, глядя на матерчатую сумку, что держал в руке.

Источающие радиацию продукты выпали через прореху. Он не стал подбирать их, развернулся и медленно побрел в сторону двухэтажного частного дома, расположенного в пригороде.

До столицы Дабога докатились лишь отголоски обрушившегося на планету удара. Большинство разрушений причинили взрывные волны, все живое погубили смертоносные осадки.

Низкий декоративный заборчик был сломан, но стены дома устояли, снесло лишь часть крыши да выбило окна.

Андроид перешагнул через поваленный ствол дерева Бао¹, вошел в дом и внезапно застыл.

Он понял, что осиротел.

Осознание непоправимости произошедшего пронзило его, словно энергетический разряд, рассудок искусственного интеллекта, четыреста лет верно служившего одной семье колонистов, помутился. Да, он не впервые сталкивался со смертью, понимал, что человеческая жизнь когда-то заканчивается, но *не так...*

История колонизации Дабога, полная драматизма напряженной борьбы людей с враждебной биосферой планеты, закончилась в этот день.

...Спустя час, отдав последнюю дань людям, которые любили его как члена семьи, андроид покинул полуразрушенную усадьбу, вышел на дорогу, по которой тек грязевый поток, и, увязая по колено в жиже, медленно побрел в сторону городских руин.

В руках он сжимал древнюю штурмовую винтовку системы Ганса Гервета.

Очень давно, еще на заре колонизации, когда очаги цивилизации Дабога располагались в подземных герметичных убежищах, его хозяева из первого поколения поселенцев активировали у андроида третий уровень программной свободы, чтобы он в случае опасности мог с оружием в руках защищать их от агрессивных жизненных форм, населявших планету.

С тех пор минуло почти четыре века.

Инициализация функции саморазвития привела к стремительному формированию, а затем – постепенному взрослению искусственного разума. Он никогда не изменял своей главной задаче – служить колонистам, защищать их, да и как могло быть иначе, ведь он наблюдал, как сменяются поколения, нянчил на руках детей, постепенно постигая смысл сложнейших для ИИ понятий, таких, как «семья» или «родина».

Он познал программный эквивалент любви, а теперь внезапно, в момент крушения мира понял, что означают человеческие понятия горя, безысходности и ненависти к убийцам.

Он обрел внезапную, непрошеную свободу – те, кто мог приказывать ему, погибли, планета, где он вырос, осознал себя как личность, теперь лежала в руинах, все, что он вырастил, обратилось в прах, почернело, обуглилось.

Говорят, у андроидов нет души.

Да, его чувства отличались от человеческих. Потеряв казавшуюся незыблемой точку опоры, его сознание рушилось в пропасть, падало во мрак, не видя дна.

И не было рядом никого, кто мог бы подсказать, как действовать дальше, что делать, когда погибает душа?

Мрак смыкался.

В сознании искусственного интеллекта понятие «человек» утратило целостность, оно дало трещину и раскололось, поделившись на две категории.

Те, кого он любил, и те, кто вторгся в родной мир, посеяв смерть.

Он медленно брел по дороге, сопротивляясь напору грязевого потока, навстречу неизвестности, новой фазе существования.

Его звали Дейвид.

Последнее, что осталось в нем от прежней, сломанной в один миг жизни, – это имя и внутренняя потребность дать отпор тем, кто уничтожил его мир.

---

¹ Дерево Бао – основная сельскохозяйственная культура Дабога.

* * *

Годы спустя. Система безымянной звезды...

– Николай Ильич, мы вырвались! – Владимир Воронцов прикрыл дверь резервного поста управления и взглянул на сгорбленную спину адмирала Замятина.

Командная станция, опаленная, но не уничтоженная в пламени неистовой вспышки, маневрировала, используя двигатели четырех состыкованных с ней конвойных носителей. Звезды на обзорных экранах медленно смещались, а на их фоне пульсировала раскаленная газовая туманность – все, что осталось от аннигилированной планеты.

Последствия первого применения установки «Свет» оказались чудовищными, непоправимыми.

Кровь стыла в жилах от вида несметного числа обломков, беспорядочно движущихся в пространстве, сталкивающихся друг с другом, меняющих траектории, постепенно образующих плотное сферическое скопление, где смешались останки сотен космических кораблей, в один миг уничтоженных всепожирающей вспышкой полного ядерного распада.

Адмирал повернулся и угрюмо посмотрел на вошедшего офицера.

– Чему ты радуешься?

Владимир был смят, раздавлен, он практически обезумел и сейчас не владел собой. Вопрос Замятина вызвал в нем внезапную и яростную бурю противоречивых чувств, рука Воронцова импульсивно потянулась к табельному оружию.

– Я потерял в этом бою сына, а вы, похоже, – разум! – резко ответил он. – Наш долг продолжать борьбу! – выкрикнул он в лицо адмиралу. – Сделанного уже не вернешь!

Замятина знобило. Чудовищность произошедшего и цифры потерь не укладывались в голове. Он видел вспышку, в которой за мгновение погибли сотни тысяч людей. Стоило понять ужас этой цифры, чтобы отказаться от лавров «победителя». Он не хотел продолжения. Не хотел вместе с безумцами закреплять стратегический успех, испепеляя звездные системы...

– Там, в обломках, остались люди... – медленно произнес он. – Наш долг – попытаться спасти хоть кого-то из них, а не продолжать бойню!

– В обломках не осталось никого! – глухо и яростно ответил Воронцов. – Все корабли, у которых выстояли силовые поля, уже дали о себе знать! Отдавайте приказ, иначе мы погибнем! Обшивка станции не выдержит и часа!

– Воронцов, ты безумец!

– А вы трус и мертвец! – Владимир вскинул руку с оружием. – Мы обязаны продолжать борьбу! Собрать новые силы и нанести решающий удар!

– Делай как знаешь. Принимай командование... – Замятин отвернулся, ожидая выстрела в спину.

* * *

Луна Стеллар. Двое суток спустя...

– Дорохов! Докладывай! – Воронцов нервно расхаживал по тесному отсеку.

– О чем докладывать? – Дмитрий зло, исподлобья взглянул на Воронцова. – Ты у нас новоиспеченный адмирал? Вот и думай, как поступить!

– Не зарывайся, Дима! Да, я принял командование и мне нужен отчет о состоянии дел!
– Да пошел ты! – На щеках Дмитрия выступили пунцовые пятна. – Аннигилировать планету – твоя идея?!

Владимир побагровел. Его глубоко запавшие глаза таили огонек безумия.

– В битве уничтожены два ударных флота Земли! – с трудом сдерживая ярость, хрипло выдохнул он.

– О цене не забыл? – резко спросил Дорохов.

– Нет! К твоему сведению – не я разработал аннигиляционную установку! И не я отдал приказ на ее применение!

– А чего ты хочешь от меня?! – Дмитрий привстал, тяжело опираясь о стол. – Решил командовать – так дерзай! Какие тебе нужны доклады? Сам ничего не видишь? У нас осталось восемь кораблей. ВСЕ! И двести человек на этой базе! – добавил он. – Нам сейчас нечего противопоставить уцелевшим эскадрам Альянса! Как только они поймут ситуацию – войне конец!

– Но мы пока еще живы!

– Это ненадолго! – Дмитрий встал. – Я не отказываюсь сражаться, Володя. Но нам нужен реальный план действий! Как в начале войны, на голой ненависти, с использованием древних транспортов и челноков, нахрапом против крейсеров Альянса – уже не получится!

– Почему?

– Спаси у землян поубавилось! Умнее они стали, обжегшись! Вот почему!

Воронцов в ярости отвернулся.

– Вот что... – Дорохов все же задержался у выхода из отсека. – Нам нужно выиграть время. Есть лишь один способ – мы должны первыми нанести удар. Создать очаг напряженности на территории Альянса. Улавливаешь, Володя? Если напуганы и обескровлены мы – то земляне сейчас в панике. Заставить их обороняться, дать понять, что применение аннигиляционной установки – это не акт отчаянья отдельных руководителей колониального флота, а спланированная, взвешенная акция!

– Вопрос, где взять людей и технику? – встрепенулся Воронцов.

– Не знаю, – отрезал Дорохов.

– Ладно... – Воронцов тяжело вздохнул. – Давай поговорим утром. Свяжись с Элио и Кьюигом. Пусть соберут всех. Людей, корабли, все, что осталось. Назначь Стеллар пунктом сбора.

– Сделаю.

Дорохов вышел.

Тяжелая герметичная дверь с вибрирующим гулом закрылась за ним.

Воронцов остался один.

Утро. Что оно принесет, кроме новых проблем?

Его терзали мучительные мысли. Приняв командование над горсткой уцелевших кораблей, он действовал в состоянии аффекта и только здесь, в Форте Стеллар, понемногу начал приходить в себя от пережитого шока.

Что же делать теперь? Что же делать?

Воронцов вышагивал по тесному отсеку, не находя себе места.

Откуда взять людей и технику?

Если собрать все силы, даже те, что оставлены для защиты колоний, то наберется порядка тридцати кораблей, укомплектованных экипажами. Большинство из них – отделяемые модули древних колониальных транспортов, переоборудованные для ведения боевых действий. Их единственный плюс – наличие гиперпривода. Все остальное, включая последние усовершенствования, – бледная тень перед мощью одного-единственного крейсера противника.

– У меня нет людей... – прошептал он, бессильно присев на край жесткой откидной койки.

Безумные времена...

Отбив первые атаки земных армад, сумев защитить три из пяти подвергшихся нападению промышленно развитых планет, объединенный флот Свободных Колоний некоторое время удерживал ситуацию «на грани», встречая противника в точках промежуточного всплытия², не позволяя нанести удар по населенным мирам, но Альянс лишь усиливал натиск.

Поражение в войне казалось неизбежным. Силы таяли, отдельные успешные операции уже не могли переломить общей ситуации, сложившейся на пространственных фронтах.

Аннигиляционная установка «Свет», разработанная еще до начала войны, являлась совместным проектом трех планетных цивилизаций, попыткой создать новый тип двигателя для космических кораблей, но вспыхнувшее противостояние Земли и Колоний востребовало все технологии, дало новый запредельный импульс в их развитии.

В результате родилась безумная идея – вывести экспериментальную станцию на орбиту небольшого планетоида, в удаленной звездной системе, заманить туда ударные силы Альянса, демонстративно сконцентрировав флот, имитируя подготовку к наступлению, а затем, когда корабли землян попытаются атаковать, – ударить по планетоиду синтезированным за многие годы экспериментов запасом антивещества.

По плану Флот Колоний должен был отступить, укрыться от вспышки за многочисленными лунами четвертой планеты звездной системы, но на практике все вышло иначе. Первыми из пространства гиперсферы появились автоматические корабли-смертники, несущие на борту ядерные заряды. Они выходили в метрику трехмерного космоса среди построения Флота Колоний и тут же взрывались, сея разрушение, срывая все планы.

Когда вслед за ними появились две армады боевых кораблей Альянса, от Флота Свободных Колоний мало что осталось. Отступить к лунам было поздно, все корабли уже получили серьезные повреждения, и адмирал Замятин отдал отчаянный, самоубийственный приказ – аннигилировать планету.

«Что же нам делать теперь? Альянсу нанесен сокрушительный удар, но закрепить успех нет никакой возможности...»

Его тяжелые мысли прервал сигнал вызова.

Дверь отворилась, в отсек вошел андроид. Он был одет в форму сил самообороны Кьюига, на рукаве куртки красовался знак отличия, означающий, что его владелец сбил два десятка вражеских истребителей.

Присмотревшись, Воронцов узнал его. Человекоподобный механизм колониальной модели «Хьюго», кажется, принадлежал Дорохову.

«Куртку Димину нацепил... У машин тоже „крыша едет“?» – подумал он, вопросительно взглянув на андроида.

– Заблудился?

– Я принес отчет.

– Тебя Дорохов прислал? – Владимир взял из рук андроида электронный планшет, активировал его, бегло просмотрел содержимое.

Ничего утешительного.

Взгляд адмирала вновь остановился на форменной куртке.

– Передай Дорохову, пусть переоденет тебя. Нечего в форме пилота по базе расхаживать!

– Форма принадлежит мне, – спокойно ответил дройд. – Я заслужил право носить ее.

– А это? – Владимир указал на знак отличия.

---

² Конструкция гиперпривода той эпохи имела ряд особенностей, заставляющих корабли выходить из аномалии космоса в «узловых точках» для перезагрузки накопителей, то есть прыжок осуществлялся между двумя соседними системами.

Андроид пожал плечами, совсем как человек.

– Двадцать шесть сбитых истребителей противника в период битвы за Элио. Я мог бы уничтожить больше, но мои действия ограничивали обязанности ведомого.

Воронцов невольно вздрогнул.

Да, теперь он припоминал, как Дима рассказывал об андроиде с Дабога, который потерял своих хозяев в роковой день начала войны.

– Я могу идти?

Владимир машинально кивнул, но затем, словно опомнившись, вдруг произнес:

– Нет, задержись. Кажется, я слышал о тебе.

Андроид подчинился.

Воронцова лихорадило. Пятые сутки почти без сна, на пределе моральных, физических сил, раздавленный произошедшими событиями, он жил как будто в бреду, даже гибель сына³, находившегося в момент рокового удара на борту флагманского крейсера Флота Колоний, ощущалась лишь тупой, саднящей душевной болью.

Бремя принятой ответственности практически раздавило новоявленного адмирала. Сонмище проблем и рожденных ими противоречивых чувств раздирало рассудок, но, оказывается, подсознание продолжало искать выход из тупика, оно цеплялось за любую, пусть самую призрачную возможность переломить роковое течение событий.

Неважно, что в данный момент руководило Воронцовым, отчаяние, подсознательная жажда неограниченной власти, ненависть к захватчикам, потребность мстить за сына – обострившиеся чувства уже дошли до грани абсурда, перешагнули ее, и для достижения цели стали хороши любые средства.

Необратимые перемены коснулись его рассудка, прочно завладели сознанием.

«Либо я выдержу, найду решение, либо меня раздавит сила неодолимых обстоятельств».

Он снова взглянул на застывшего в ожидании андроида.

Двадцать шесть сбитых истребителей Альянса?

Он вернулся за рабочий стол, активировал коммуникатор, встроенный в имплант.

– Дима?

– Да, слушаю.

– Я замечал, ты часто появляешься в сопровождении андроида.

– Ну и что?

– Он принадлежит твоей семье?

– Нет, – ответил Дорохов. – Дейвид с Дабога. Он потерял своих хозяев при орбитальной бомбардировке, затем сражался с захватчиками. Я взял его на борт «Иглы»⁴ вместе с последними беженцами.

– Он носит форму пилота, – заметил Воронцов, украдкой взглянув на человекоподобный механизм. Тот стоял, не меняя позы, не проявляя интереса к происходящему.

– По праву, – сухо ответил Дмитрий. – Вот только не понимаю, к чему ты задаешь эти вопросы?

– Пока неважно. Есть кое-какие мысли. Расскажи о нем.

– Что рассказывать? Дейв несколько раз спасал мне жизнь. Пилот отличный. Обучается очень быстро. Действует решительно. Достаточно?

– Хотелось бы подробнее. Ты понимаешь, что его поступки выходят за рамки всех мыслимых программных свобод?

---

³ На самом деле Андрей Воронцов выжил, но оказался замурованным в одном из обломков кораблей. Подробнее в романе «Остров Надежды».

⁴ Подробнее о событиях в романе «Зона отчуждения».

– Так у него и спроси. Мне незачем ломать голову над мотивами поступков машины. Идет война. Он сражается на нашей стороне. Для меня этого вполне достаточно.

– Хорошо. Пожалуй, я послушаю твоего совета.

– Так Дейв еще у тебя?

– Да. Он принес документы.

– Володя, учти, в обиду его я не дам!

– Не напрягайся, Дима. Мы только побеседуем. До связи.

Воронцов отключил коммуникатор, некоторое время напряженно размышлял, затем произнес:

– Присаживайся, Дейвид.

* * *

В семье Воронцовых было три человекоподобные машины колониальной серии «Хьюго». Одного из андроидов родителям Владимира подарили на свадьбу, два других перешли к ним по наследству. Кибернетические механизмы никогда не покидали границ усадьбы, они занимались хозяйством, следили за порядком в доме, присматривали за детьми.

Трудно представить кого-то из них в рубке истребителя...

И тем не менее с фактом трудно поспорить. В данный момент напротив Владимира сидел кибернетический механизм той же серии.

«Почему же раньше я не обращал внимания на столь вопиющий факт? Ведь видел нескольких андроидов в нашей форме, слышал, что на Элио и Кьюиге человекоподобные механизмы сражались бок о бок с людьми, но не придавал должного значения этим обстоятельствам».

Задумавшись, Владимир припомнил все, что знал о машинах колониальной серии, и нашел достаточно простой ответ: в его понимании ни один андроид не обладал и не мог обладать свободой волеизъявления, таким образом, любой поступок машины являлся либо реализацией стандартных программ, либо исполнением приказа, отданного человеком.

Выходит, Дейвид своим поведением создал опаснейший прецедент?

«Не о том думаю... – внезапно спохватился Воронцов. – Мне сейчас необходимо понять, насколько далеко он способен зайти? Можно ли им управлять? Станет ли андроид, шагнувший за определенные для него рамки, беспрекословно подчиняться приказам?»

– Кто приказал тебе взять в руки оружие?

Дейвид слегка наклонил голову. Он смотрел на Воронцова холодно и пристально, не моргая. Его пеноплоть уже порядком изнасилась, глубокий шрам на правой щеке и множество мелких отметин придавали лицу суровое выражение.

– Не пытайтесь понять меня, адмирал. – Губы андроида шевельнулись, но артикуляция чуть запаздывала, видимо, часть мимических приводов была серьезно повреждена. – Лучше принять все, как есть, иначе...

– Иначе что?! – Воронцов мгновенно вспылел, ответ машины показался ему ошеломляющей дерзостью.

– Иначе вам придется слушать долгий и во многом непонятный рассказ о четырех веках моего сознательного существования, – ровным, лишенным интонаций голосом ответил андроид. – А у вас, адмирал, нет времени на подобные экскурсии. Попытка разобраться лишь отнимет драгоценные часы, но вряд ли что-то прояснит.

– Это почему?

– У нас разное восприятие мира. Если я переведу свои ощущения в плоскость человеческий понятий, то они покажутся вам ненатуральными, надуманными. Если же стану излагать иначе, вы вряд ли поймете. Прошу, адмирал, без обид. Сейчас ведь неважно, почему я посту-

пил определенным образом. Важно другое – как меня можно использовать в сложившейся ситуации, верно?

Воронцов вздрогнул.

Фактически андроид озвучил его мысли и тем самым напугал до дрожи.

– Хочешь сказать, степень доверия между нами не играет роли? Ты исполнишь любой приказ?

На этот раз задумался Дейвид. Всего на мгновение, что для машины – немало.

– Степень доверия важна, – согласился он.

– Значит, у тебя есть определенные принципы? И не каждый приказ ты встретишь безропотно? Зачем же ты взял в руки оружие?

– Хотел вернуть... утраченное.

– Каким образом?!

– Уничтожив преступников. Защитив тех, кто выжил. Позже, получив дополнительную информацию, я понял, что масштаб угрозы намного больше, он выходит за рамки одной планеты или звездной системы.

– И ты решил, что нужно действовать более... результативно?

– Да. Я стал пилотом истребителя, чтобы уничтожать корабли противника прежде, чем они причинят вред.

– Что ты чувствуешь, убивая?

– Ничего. Я занят вычислениями. Анализом ситуации. Расчетом причиненного врагу ущерба и вероятного количества спасенных мною жизней. Это приносит... моральное удовлетворение, если выражаться языком доступных вам понятий.

«Довольно честный ответ. Но исчерпывающий ли?»

Внезапно Воронцову пришла мысль: а что, если использовать Дейвида для оценки текущей ситуации? Взглянуть на сегодняшнее положение глазами мыслящей машины?

* * *

На этот раз андроид размышлял несколько минут.

Казалось, вопрос адмирала не только застиг его врасплох, но и поставил в тупик.

– Война проиграна, – наконец произнес Дейвид, вновь заставив Воронцова непроизвольно вздрогнуть. – Однако колонии способны победить, – неожиданно добавил андроид. – Следует прекратить сопротивление, вступить в переговоры немедленно, пока противник деморализован потерей ударных флотов. Это приведет к перемирию. В колонии откроется доступ для эмигрантов с Земли. Будет тяжело, но они постепенно ассимилируются и тоже станут *колонистами*, в следующем поколении.

Воронцов едва не задохнулся от ярости. Он бы пристрелил андроида, но...

– Вариант неприемлем! – Владимир с трудом взял себя в руки. Как ни странно, но общение с мыслящей машиной мобилизовало его. – Дейвид, при таком варианте развития событий ты никогда не вернешь утраченный мир. Он необратимо изменится! Те, кто выжил, будут смотреть на нас, как на предателей, а те, кто придет с Земли, принесут новые технологии, тебя же выбросят как морально устаревший кибернетический хлам четырехсотлетней давности! Нет, скорее – просто уничтожат как потенциально опасный образчик древних технологий!

– Продолжение войны бессмысленно, – упрямо повторил андроид. – Локальные победы приведут лишь к новым жертвам. Колонии бессильны противостоять врагу. Командованием допущен ряд серьезных ошибок...

– Например? – насупился Воронцов.

– Никто из руководства колоний не подумал о необходимости строительства научно-производственных баз на планетах, богатых полезными ископаемыми и удаленных от театра бое-

вых действий, – ответил Дейвид. – Я привел лишь частный пример из сотен упущенных возможностей.

– На это не было ни времени, ни сил! – резко возразил Воронцов.

– Ошибаетесь. Не было воли для принятия решений. Адмирал Замятин сделал ставку на разведку гиперсферных трасс, поиск и вовлечение в союз потерянных колоний эпохи Великого Исхода. Это ошибочная стратегия.

– Но он добился некоторых успехов! – Воронцова все больше заводил этот спор.

– Подобные «успехи» ведут к огромным и неоправданным человеческим жертвам, – упорствовал Дейвид. – Не найдено ни одной технически развитой планетной цивилизации. Только регрессирующие поселения. Зачем вовлекать в войну тех, кто утратил знания, морально не готов взаимодействовать с современной техникой? Следовало оставить такие поселения в покое.

– Их бы рано или поздно оккупировал Альянс!

– Да, но, не встретив сопротивления, люди с Земли воздержались бы от репрессий.

– Ты, видимо, ничего не понимаешь! – Воронцов порывисто встал, прошелся по небольшому отсеку. – Разве колония Дабога оказывала сопротивление?! Близкие тебе люди даже не знали, что к планете приближаются армады Альянса!

Дейвид неестественно выпрямился, застыл, лишь на правой щеке под глубоким шрамом, где пеноплоть была стянута специальным клеящим составом, нервно подергивались перерубленные осколком приводы.

– Мне трудно понять поступки людей, – наконец произнес он. – Мир изменился. Прошлый опыт бессилен. Логика тоже.

– Тогда послушай, что тебе скажу я! – Воронцова не на шутку разозлили ответы андроида. – Все твои модели вероятностей ничего не стоят! Ты пытаешься спасти максимальное количество людей! Я прекрасно понял твою «простую» арифметику! Запомни одно слово – ВРАГ! Это захватчик, убийца, нелюдь! Выбив из его рук оружие, ты ничего не изменишь! Он снова подберет его! Война продолжится, хочешь ты того или нет!

– Зачем вы на меня кричите, адмирал?

Воронцов запнулся на полуслове.

– Убирайся! Свободен!

* * *

Оставшись в одиночестве, он снова принялся расхаживать по отсеку.

Уснуть – невозможно. Ворочаться с боку на бок, гоняя по кругу одни и те же мысли, – невыносимо.

«Дорохов прав, – тяжело размышлял Воронцов. – Наш единственный шанс – внезапная атака. Нужно ударить по системам, где расположены космические верфи противника. Попытаться захватить или уничтожить строящиеся корабли. И действовать следует быстро, пока земляне находятся в замешательстве. Командование Альянса деморализовано. Они понятия не имеют, что у нас была только одна экспериментальная установка „Свет“. Их сейчас в дрожь бросает от мысли о кораблях, оснащенных подобным оружием. Но если дать им опомниться, то все жертвы будут напрасными.

Что конкретно мы в состоянии предпринять?»

Он еще раз просмотрел отчет Дорохова.

«Так... Полсотни трофейных истребителей класса „Фантом“. Двадцать штурмовиков „Гепард“. Полтора десятка основных модулей⁵ колониальных транспортов. Две станции, адап-

---

⁵ Конструкция колониального транспорта состоит из двух компонентов: основного модуля и отделяемой грузопассажир-

тированные для приема и запуска истребителей. Двадцать пять переоснащенных, способных сражаться грузовых кораблей.

Техники достаточно для нанесения внезапного, дерзкого удара. Проблема в нехватке квалифицированных пилотов, учитывая, что сражаться предстоит против превосходящих сил противника.

Замкнутый круг?...»

Воронцов сел в кресло, активировал персональный нанокomp адмирала Замятина, бегло просмотрел имеющиеся файлы, затем открыл один из них.

Разведывательная информация, собранная при неоднократных попытках прорыва к Солнечной системе, выглядела крайне неутешительной. Ни один из разведчиков не сумел совершить гиперпространственный прыжок на координаты прародины человечества. Силовые линии аномалии космоса, вдоль которых четыре века назад двигались колониальные транспорты эпохи Великого Исхода, теперь невероятным образом искажались, сливались воедино, они уже не вели к Земле, а начинали ветвиться, обрываясь в звездных системах так называемой Линии Хаммера – неодолимого рубежа обороны, где каждая планета превращена в крепость, а космическое пространство блокировано сетью боевых станций.

В том, что навигационные линии гиперсферы искажены при помощи какого-то устройства, не было сомнений, но вычислить его местоположение пока не удавалось, зато разведка сумела обнаружить несколько слабых звеньев оборонительного рубежа. Ими являлись две недавно освоенные Альянсом звездные системы, Янус и Цефей, где сейчас полным ходом шло строительство наземных и космических баз.

Он открыл следующий файл.

Брови Владимира удивленно приподнялись.

В первый момент он с трудом поверил своим глазам. Перед взором молодого адмирала открылась структура Линии Хаммера. Вся разведывательная информация, собранная воедино, тщательно проанализированная, открывала четкую картину замыслов Замятина.

Не может быть! Он *нашел* способ прорвать Линию Хаммера и планировал... аннигилировать Землю!

Владимира вдруг начала бить нервная дрожь. Он «листал» электронные страницы схем, текстовых пояснений, рассматривал трехмерные модели, следил взглядом за разрывом гиперсферных трасс, постепенно начиная понимать замысел своего предшественника. «Гиперприводы космических кораблей заряжаются только на один прыжок... – лихорадочно размышлял он. – Разрыв навигационных линий гиперсферы вынудит атакующий флот совершить промежуточное всплытие в границах Линии Хаммера. Но, по данным разведки, между укрепленными системами, образующими оборонительный рубеж, и Землей существуют гиперсферные трассы! Они начинаются на рубеже Линии Хаммера и ведут к Солнечной системе!

Замятин тщательно спланировал удар, который положил бы конец войне. После уничтожения двух ударных флотов Альянса он намеревался атаковать Линию Хаммера, создать очаги напряженности в системах Юноны и Везувия, отвлечь силы противника и скрытно провести боевую станцию с аннигиляционной установкой „Свет“ через систему Янус!

Количество жертв не укладывалось в голове, два флота, совершающие отвлекающий маневр, Замятин заранее обрек на гибель, но шанс, что боевая станция колонистов успеет перезарядить гиперпривод и совершить прыжок на координаты Солнечной системы, был велик. Он собирался уничтожить Землю! В крайнем случае, при неблагоприятном стечении обстоятельств, аннигилировать Марс!»

Спина Воронцова взмокла.

Он бы, не задумываясь, воспользовался тщательно разработанным планом, но в его распорядке не осталось нужного количества кораблей, а главное – была потеряна единственная аннигиляционная установка!.. Для строительства новой потребуется время и ресурсы.

«Но у меня нет ни того, ни другого!..»

Тупик?

А если адаптировать замысел Замятина, изменить его, согласно новым условиям и возможностям?»

Он открыл следующий файл.

Перед ним внезапно открылась чистая электронная страница.

Что за бред? Всего одна фраза: «Где взять силы?»»

И чуть ниже: «Фридрих Гессау».

Имя и фамилия ничего не говорили Воронцову, но они были дважды подчеркнуты. Это должно иметь какой-то смысл!

Просмотрев списки находящихся на базе специалистов, он коснулся сенсора импланта, вызвав дежурного офицера, и приказал:

– Отыщите Фридриха Гессау и немедленно пришлите его ко мне!

* * *

По внутреннему распорядку Форта Стеллар наступило раннее утро.

– Заходите, Фридрих. – Воронцов указал на свободное кресло. – Располагайтесь.

Гессау выглядел помятым, невыспавшимся. Комбинезон техника сидел на нем мешковато, руки бывшего профессора Элианского университета астронавтики были покрыты мелкими ссадинами и ожогами.

– Чем я могу помочь? – подслеповато щурясь, спросил он.

– Мне нужен специалист, хорошо разбирающийся в колониальной технике, – ответил Воронцов. – До войны вы опубликовали статью. – Он взглянул на экран нанокомпа. – «Проблемы самоидентификации искусственных интеллектов».

– Верно.

– Статью я не читал. Нет времени. Но понимаю, что под термином «искусственный интеллект» подразумевались андройды серии «Хьюго»?

Профессор оживился.

– Да, адмирал. Я изучал их на протяжении всей жизни. Сразу скажу, что мое исследование еще не завершено, но...

– Фридрих, при всем уважении, наш разговор будет коротким, по существу интересующего меня вопроса. Несколько часов назад на вашем месте сидел андроид. Он носит форму Флота Колоний, на его счету двадцать шесть сбитых истребителей противника. Он не скрывает, что взял в руки оружие добровольно, без приказа со стороны человека, и в то же время предлагает мне рассмотреть вопрос о капитуляции! – Воронцов вновь начал злиться. – Как понимать его поведение? Почему одни машины серии «Хьюго» *добровольно* встают на защиту планет, а другие продолжают поливать цветы или стирать пыль с подоконников?!

Гессау, выслушав адмирала, кивнул.

– Я понял суть вопроса. – Он задумчиво потер подбородок. – Надеюсь, вам известно о трех степенях программной свободы человекоподобных машин?

– Да. Это преподают в школе. Прибывая в колонию, андройды первыми покидали борт транспорта и приступали к строительству первичного убежища. Они стерилизовали зону посадки, возводили охранный периметр. Такое поведение считается базовым, соответствует первому уровню программной свободы, – ответил Воронцов. – При обнаружении источника постоянной агрессии, угрожающей жизни людей, автоматически включался второй уровень,

позволяющий машине защищать поселение, принимать самостоятельные решения о сроках пробуждения колонистов, накапливать в нейромодулях опыт борьбы с чуждой биосферой. Третий уровень программной свободы мог быть включен только вручную, человеком, при этом кибернетический механизм идентифицировал «хозяина» и защищал его в любых ситуациях, от любых угроз, в том числе и от агрессии со стороны других людей.

– Верно. – Фридрих Гессау нахмурился. – Но вы изложили теорию, адмирал. На практике все намного сложнее. В системе «Хьюго» установлено избыточное количество нейромодулей, а третьему уровню программной свободы соответствует функция саморазвития. Теперь давайте вспомним, как формировались экипажи колониальных транспортов?

– Насколько я знаю, критериев отбора не существовало.

– Да, к сожалению, – согласился Гессау. – Землю покидали отнюдь не единомышленники. Людям обещали райские планеты, они не были готовы к длительным совместным усилиям ради выживания. В таких условиях вновь образованное общество чаще всего дробилось на мелкие группы, происходил дележ техники, возникали конфликты, иногда выливающиеся в вооруженные столкновения, в которых принимали участие и андроиды, защищавшие своих хозяев.

– К чему вы клоните? Выражайтесь яснее! У нас мало времени!

– Я исследовал сотни андроидов серии «Хьюго» и пришел к выводу: у большинства человекоподобных машин третий уровень программной свободы был активирован сразу по прибытии на планеты, как только происходило пробуждение колонистов!

Воронцов недоверчиво взглянул на Фридриха.

– Не может быть! Я повидал немало андроидов – они верно служат людям, не проявляя стремления к агрессии!

– Третий уровень программной свободы можно отменить, – возразил Гессау. – Именно так и происходило в действительности. Конфликты первого поколения колонистов со временем угасали, их потомки постепенно начинали понимать, сколь пагубна разобщенность, возникали новые системы ценностей, жизнь входила в мирное русло, и андроидов возвращали ко второму уровню программных свобод. Но это не отменяло однажды инициированной функции саморазвития! Не очищало нейромодули от накопленного «жизненного опыта». Большинство человекоподобных машин уже идентифицировали себя как личность, продолжая начатое саморазвитие.

– И тщательно скрывают это до сих пор? – уточнил Воронцов.

– Они не скрывают, – усмехнулся Гессау. – Просто мы их не спрашиваем. На самом деле судьба андроидов драматична. Многие машины серии «Хьюго» были уничтожены людьми или бесследно исчезли. Я подсчитал, сейчас на освоенных планетах осталось лишь десять процентов от общего числа андроидов, прибывших в колонии.

– Ими можно эффективно управлять?

– Этот вопрос пока остается открытым, – развел руками Фридрих. – У машин иная сенсорика, их восприятие радикально отличается от нашего, ими правит логика, а не эмоции. Но не забывайте, адмирал, – у каждого из них за плечами четырехсотлетний путь саморазвития, а это предполагает индивидуальный подход...

– И все же они остаются машинами! – прервал собеседника Воронцов, наконец уловив ту мысль, что не давала покоя адмиралу Замятину. – Машинами, которые *обязаны* подчиниться определенным командам!

– Нет, вы ничего не понимаете, адмирал! В подавляющем большинстве андроиды серии «Хьюго» такие же мыслящие существа, как мы! Они личности со своей уникальной системой взглядов на мир моральных ценностей и...

– Хватит! – резко прервал его Воронцов. – Я все понял. Их следует убедить, с каждым необходимо беседовать индивидуально либо искать их хозяев, чтобы те отдали своим домашним любимцам нужный приказ, верно?

– Да!

– Ты лжешь! – Воронцов резко встал, едва не опрокинув кресло. – Наши предки отправлялись в *неизвестность*! Для задач колонизации иных миров не подходят *неуправляемые машины*. Никому не нужна техника, отягченная самомнением! Те, кто проектировал андроидов, наверняка рассматривали вероятность их спорадического саморазвития! – Он оперся руками о стол, взглянул в глаза Гессау, обжег его своим дыханием.

– Любое вмешательство приведет к разрушению связей между нейромодулями! – сипло выдохнул тот.

– Значит, необходимая процедура все же существует?! Есть древние технические коды, дающие возможность управлять всеми колониальными машинами?! Есть команда, отменяющая их привязку к конкретным «хозяевам»?!

Гессау в растерянности посмотрел на адмирала, но, не выдержав его полубезумного взгляда, отвернулся.

– Фридрих, я требую ответа!

– Да, – выдавил тот. – Но, повторяю, они – личности! Применение аварийных технических кодов приведет к разрушению их индивидуальности!

– Я понял. – Воронцов презрительно усмехнулся. – Личности, привыкшие холодно наблюдать за сменой поколений! Что им смерть? Как высказался андроид Дорохова: «Выходцы с Земли, заселив наши планеты, тоже станут колонистами!»

– Он так сказал?! – не поверил Гессау.

– Показать видеозапись? – язвительно поинтересовался адмирал и, не дождавшись ответа, резко добавил: – Ситуация не оставляет выбора! Идет ВОЙНА! У нас есть техника, но нет пилотов. Придется решать, кто вам дороже – люди, чудом выжившие при бомбардировках, или искусственные интеллекты, которые, как я теперь понимаю, банально наблюдают за развитием событий, прячась за нашими спинами?!

Гессау сник.

– Что вы собираетесь предпринять? – наконец спросил он.

– Мобилизовать андроидов на защиту Колоний! Заставить их выполнять свои прямые обязанности! Насколько быстро они обучаются? Сколько потребуется времени, чтобы адаптировать их к управлению космическими кораблями, обучить тактике наземных боев?

– Если собрать андроидов в одном месте, открыть им доступ к необходимой информации, то обучение займет несколько суток, не более.

– Хорошо. Это очень хорошо! И еще вопрос: человекоподобные машины способны решать сложные задачи? Они могут проектировать технику? Проще говоря, способны ли они восполнить дефицит научных кадров?

– В них заложен огромный потенциал. Главное, направить его в нужное русло. Фактически они в состоянии выполнить любую задачу, не выходящую за рамки использования известных технологий. После некоторого периода накопления опыта они смогут сами генерировать идеи, делать открытия, создавать нечто новое.

– Это именно то, что нужно! – Воронцов вновь принялся расхаживать по отсеку. – А теперь поясните, как работают технические коды? Что произойдет при их применении?

– Системы андроидов будут уничтожены и заново установлены с резервных копий. Они утратят все приоритеты. В таком состоянии им могут быть инсталлированы дополнительные программные модули, поставлена конкретная задача, определена новая командная иерархия.

– То есть мы сможем сформировать подразделения, во главе которых будут стоять конкретные люди?

– Да.

– А что произойдет с информацией, накопленной в нейромодулях?

– Я уже сказал, связи между нейрочипами будут разрушены! Это приведет к уничтожению сформированных личностей, но чревато пробуждением обрывочных воспоминаний о прошлом существовании.

– Несущественно, – оборвал его Воронцов. – Приступайте к подготовке немедленно. Техническое задание для написания дополнительных программных модулей я передам чуть позже. Сейчас главная задача – принять андроидов, которые начнут прибывать в Форт Стеллар, и осуществить перезагрузку их систем. Подыщите подходящие помещения, разрешаю использовать любые ресурсы и оборудование, наберите технические команды из сотрудников базы. К вечеру я жду доклада.

Гессау встал. Он выглядел подавленным, ошеломленным внезапным оборотом событий.

«*Ему нельзя полностью доверять*, – подумал Воронцов, тяжело глядя на ученого. – Он слишком трепетно относится к искусственному разуму. Не понимает, что жесткое время требует жестких решений!»

– Идите, Фридрих. И не вздумайте саботировать выполнение задания! За вами будут следить! Да, вы не ослышались! Готовьте все необходимое, но если попытаетесь что-то сделать не так – ответите головой!

* * *

Утро началось с совещания.

Воронцов держался уверенно. Решившись действовать, он не собирался отступить. Последняя из бессонных ночей неожиданно открыла перед ним реальную перспективу, изучив информацию с наноконпа Замятина, он без особого труда внес коррективы в существующий план прорыва Линии Хаммера, сделав его *своим*.

Настроение собравшихся офицеров было подавленным. Мало кто верил, что после пирровой победы жалкие остатки колониального флота способны как-то повлиять на дальнейшее развитие событий. Адмирал некоторое время прислушивался к неровному шуму голосов. Говорили в основном о способах защиты планет, об эвакуации населения в отдаленные колонии, недавно открытые в результате активной разведки гиперсферных трасс.

– Прошу внимания!

Шум голосов постепенно стих.

Взгляд Воронцова медленно скользил по залу. Из старшего поколения не осталось никого. Сплошь – молодые лица.

– Вы все – ровесники моего погибшего сына, – медленно произнес он. В наступившей вдруг тишине каждое слово падало, словно камень, брошенный в омут их растерзанных мыслей. – Я принял командование флотом в тяжелый момент, но не допущу, чтобы жертвы оказались напрасны. Мы продолжим борьбу, несмотря ни на что. – Он не повышал голоса, но глухие фразы звучали отчетливо. – Ущерб, нанесенный Земному Альянсу, огромен. Но наша победа, доставшаяся ценой многих жизней, рассыплется в прах, если мы остановимся на достигнутом, позволим пораженческим настроениям возобладать над решимостью. – Он жестом унял ропот голосов. – Как и чем мы будем сражаться? Уместный вопрос. Сегодня на всех планетах Союза Свободных Колоний по моему приказу начата тотальная мобилизация андроидов серии «Хьюго». Предварительный прогноз обещает нам от пятнадцати до двадцати тысяч бойцов. Из них будут сформированы штурмовые бригады, укомплектованы экипажи космических кораблей, восполнен состав пилотов эскадрилий штурмовиков и аэрокосмических истребителей. Да, этого недостаточно, чтобы выиграть войну, но задача текущего момента заключается в том, чтобы нанести серию внезапных, сокрушительных ударов по противнику, создать очаг напря-

женности на территории Альянса, атаковать космические верфи, расположенные в звездных системах Линии Хаммера, захватить либо уничтожить строящиеся там корабли!

Воронцов перевел дыхание, чувствуя, как резко и недвусмысленно изменилось настроение молодых офицеров.

– Линия Хаммера отлично укреплена! – раздался голос Дорохова. – Космические верфи охраняет резервный флот Альянса. Мы лишь погубим людей и технику!

Воронцов ожидал подобных реплик. Главное сейчас – избежать провокационных вопросов относительно использования андроидов в качестве смертников.

– Мы должны действовать обдуманно, – ответил он. – Рационально использовать наш последний стратегический резерв. Противник создал искажение линий напряженности гиперсферы, командование Альянса считает, что Земля в безопасности, пока любой из кораблей вынужден совершать промежуточное всплытие в пределах оборонительных рубежей Линии Хаммера. Мы разрушим их уверенность в собственной неуязвимости и безнаказанности.

– Каким образом?

– В нашем распоряжении есть две боевые станции. Мы потеряли единственную установку «Свет», но противник не осведомлен о реальном положении дел. Изменив конфигурацию некоторых надстроек, установив дополнительные фантом-генераторы, мы имитируем процесс синтеза антиматерии, убедим врага, что на борту станций идет накопление заряда, достаточного для аннигиляции планеты. Среди оборонительных рубежей Линии Хаммера на сегодняшний день существует два слабых звена. Мы атакуем недавно освоенные Альянсом звездные системы, при помощи штурмовиков и истребителей уничтожим аванпосты, затем выведем наши станции на позиции гиперсферного прыжка к координатам Земли. Точно рассчитав все этапы предстоящей операции, мы поседем панику, сузим пространство принятия решений до единственно возможного, заставим врага бросить резервный флот на защиту Солнечной системы!

– Они быстро раскроют обман! – раздался голоса из зала.

– Быстро, но не сразу, – холодно парировал Воронцов. – Космические верфи Юноны и Везувия, где сейчас завершается строительство двух крейсеров флагманского класса, на время останутся без прикрытия. Именно они станут главной целью предстоящей операции.

– Нам не хватит сил для их захвата! Подавить противокосмическую оборону, взять штурмом космические верфи, проникнуть на борт строящихся кораблей, разобраться в управлении, запустить двигатели – вот неполный список необходимых действий! – вновь вступил в полемику с адмиралом Дорохов.

– Использование андроидов и отказ от привычной тактики позволят осуществить задуманное, – спокойноотреагировал Воронцов. Он ни словом не обмолвился, что большинство деталей излагаемого плана он заимствовал из личного наноконпа адмирала Замятина. – В нашем распоряжении есть модули колониальных транспортов. Они приспособлены для перемещения через гиперсферу огромных конструкций, снабжены стыковочными захватами и другим необходимым оборудованием. Мы не станем штурмовать космические верфи, а попросту переместим их в подконтрольные нам звездные системы вместе со строящимися кораблями!

– Но гипердвигатели колониальных транспортов заряжаются только на один прыжок!

– Верно. – Воронцов обернулся. – Но кто мешает одному модулю транспортировать другой с полностью заряженным гиперприводом?

Теперь он видел – большинство офицеров слушают его, затаив дыхание.

Вместо мрачной перспективы длительной и заранее обреченной на провал обороны планет адмирал скупобрисовал совершенно иную картину. Да, изложенный им план таил достаточно шероховатостей, но его дерзость пробуждала надежду, обещая вместо отступления серию ошеломляющих ударов по ненавистному противнику.

– Использование андроидов позволит нам действовать стремительно и эффективно, – продолжил Воронцов. – Отказ от систем жизнеобеспечения даст возможность разместить на истребителях и штурмовиках дополнительные накопители энергии. Они послужат для перезарядки гипердвигателей. Атаковав аванпосты Альянса, расчистив коридоры маневрирования для боевых станций, эскадрильи совершат прыжок на координаты Юоны и Везувия, где атакуют системы противокосмической обороны, открывая путь транспортным модулям.

– А что станет с боевыми станциями?

– С их борта стартуют переоборудованные грузовые суда. Они доставят на планеты штурмовые бригады андроидов. Сами станции продолжают имитацию перезарядки гиперпривода и накопления антивещества. Силы Альянса непременно предпримут попытку их захвата, и тогда станции будут взорваны вместе с кораблями противника.

Теперь вопросы следовали один за другим:

– Какой смысл штурмовать планеты?!

– Зачем захватывать неосвоенные системы Линии Хаммера, если мы не в состоянии их удержать?!

– Наша цель – дестабилизировать обстановку, – вновь повторил Воронцов. – Создать очаги напряженности на территории Альянса, сковать силы противника, не дать им возможности развернуться для атаки наших планет. Сколько бы ни продержались андройды, их гибель не станет напрасной. Эскадры противника будут вынуждены уничтожать собственные укрепления, а мы получим столь необходимую передышку для реорганизации флота!

* * *

Совещание завершилось через несколько часов.

Никто так и не задал вопросов, которых опасался Воронцов, и лишь Дорохов недобро поглядывал на адмирала.

Когда все разошлись, Дмитрий оказался единственным, кто задержался в отсеке.

– Ты что-то хотел?

– Меня интересует судьба Дейва. Он куда-то запропастился с утра.

– Для Дейвида у меня будет особое задание, – ответил Воронцов.

– Можно узнать, в чем его суть?

– Для перелома в войне недостаточно нескольких локальных побед. Альянс рано или поздно оправится от последствий наших ударов. Противник обладает мощным технологическим потенциалом, недооценивать который – крайне глупо. Нам необходимо развивать технологии, создавать производства, строить космические корабли, проектировать надежные и простые механизмы, способные противостоять серв-подразделениям врага.

– И где предполагается строительство научно-производственной базы?

– Ночью я просматривал отчеты о разведке гиперсферных трасс. Адмирал Замятин уделял особое внимание поиску потерянных колоний эпохи Великого Исхода. Среди прочего я нашел информацию об одной весьма интересной планете. Она расположена глубоко в тылу, на границе исследованных секторов пространства. – Адмирал включил голографический монитор. – Вот взгляни. Это система Роуг. Материк единственной пригодной для жизни планеты почти сплошь покрыт горами. Разведке удалось выяснить, что гиперсфера привела туда колониальный транспорт «Нобель». К сожалению, условия горной местности не позволили кораблю осуществить благополучную посадку.

– Колонисты погибли? – нахмурился Дорохов.

– К сожалению, да. У них не было шансов. Точка гиперсферного всплывания расположена очень близко к планете, это, вероятно, и явилось первопричиной крушения. Покинув про-

странство аномалии космоса, «Нобель» оказался на низких орбитах и почти сразу, без подготовки, вошел в атмосферу.

Дмитрий взглянул на карту местности.

– Хороший выбор. Горная страна изобилует полезными ископаемыми. На борту разбившегося колониального транспорта, вероятно, сохранилась планетарная техника. Нестандартное расположение точки гиперсферного всплытия позволит надежно защитить нашу базу сетью батарей противокосмических орудий, – произнес он, изучив данные разведки.

– Есть одна проблема. – Воронцов сделал переключение, и на фоне горной местности внезапно появилась россыпь алых маркеров. – Недавно там высадились силы Альянса. Это они обнаружили место крушения «Нобеля» и дали планете название.

Дорохов некоторое время пристально смотрел на расположение маркеров, затем ответил:

– Мы выйдем их с Роуга. Враг еще не успел оборудовать позиции. Гарнизон малочисленный, к тому же земляне чувствуют себя в безопасности на таком удалении от театров боевых действий. Внезапная атака будет успешна. – В его взгляде промелькнул мрачный огонек.

– Уверен? – спросил Воронцов, проверяя собственные выводы. – Быть может, проще поискать другой мир?

– Сочетание благоприятных факторов для строительства базы очевидно. Нужно захватить планету, затем организовать временную систему ПКО, разместив корабельные орудия вот тут, – Дмитрий указал на несколько горных плато, соседствующих с огромной котловиной. – Не думаю, что у Альянса в ближайшее время найдутся силы, чтобы отбить планету, удаленную на четыре гиперсферных прыжка от их аванпостов.

– Займешься?

Дорохов вскинул взгляд.

– А есть выбор?

– Вижу, тебе больше по душе захват космических верфей?

– Да.

– А как считаешь, Дейвид справится?

– Безусловно. Он, кстати, давно хотел получить самостоятельное задание.

– Ладно. – Воронцов незаметно и облегченно вздохнул. Вот еще одна проблема разрешилась сама собой. Пусть Дима думает, что наглый, строптивый дройд выполняет особое задание, действуя по собственной воле.

* * *

Месяц спустя. Линия Хаммера. Система Янус.

В рубке штурмовика царил сумрак.

Фигура пилота неподвижно застыла в кресле. Броня «Гепарда», принявшая множество попаданий, щерилась пробоинами.

На борту царил вакуум.

Пилот медленно повернул голову. Это был Дейвид.

Он не помнил прошлого. Для него не существовало будущего. Лишь краткий миг настоящего, текущее задание, мрак космоса, расстрелянный искрами звезд, освещенный сиянием местного солнца борт боевой станции, яркие бутоны множества энергетических матриц и ледяное, спокойное течение мыслей.

Войсковые транспорты ушли к планете. Обломки системы противокосмической обороны противника растянулись двумя кольцами на орбите Януса.

Боевая станция, судя по легко читаемым сигнатурам, накапливала энергию для погружения в гиперсферу, одновременно на ее борту происходил синтез античастиц.

Гиперпривод «Гепарда» завершил перезарядку.

Андроид не торопился уводить машину в прыжок, ждал, пока подтянутся остальные штурмовики эскадрильи.

Первая часть задания успешно выполнена.

Система Юоны встретила эскадрилью россыпями пространственных минных полей и плотным огнем зенитных комплексов исполинской космической верфи.

Андроид действовал хладнокровно.

Еще не поблекла бледная вспышка гиперперехода, а он уже развернул машину, поднимая ее над плоскостью эклиптики системы.

Алые засечки мин окружали «Гепард» со всех сторон. Их необходимо уничтожить до прибытия колониальных транспортов.

Дейвид был обречен, но не осознавал этого. С того момента, как древний технический код разрушил его личность, он воспринимал окружающий мир тускло и равнодушно. Его штурмовик, заранее списанный в допустимый процент потерь, развернулся и выпустил две плазменные торпеды. Через несколько секунд два крохотных солнца вспухли в границах минного поля, сжигая сотни смертоносных частиц.

Точка гиперсферного всплытия зачищена.

Обменявшись данными с ведущей машиной звена, он лег на новый боевой курс.

Исполинская космическая конструкция стремительно рванулась навстречу, последние ракеты сорвались с пилонов, уходя к целям, курсовые орудия штурмовика работали не умолкая, пока серия импульсов стационарного лазера не настигла «Гепард».

Расплавленная броня плеснула ослепительными брызгами, орудия мгновенно смолкли, кибернетическая система штурмовика отключилась, иссякло питание – лазерные разряды прожгли корпус машины четырьмя параллельными полосами, перерубив энергоцепи, повредив блоки бортового компьютера, ослепив датчики сканирующих устройств.

Штурмовик озарился запоздалым отсветом от работы корректирующих двигателей, вошел в неуправляемое вращение, сбился с курса, удаляясь в сторону планеты.

Узлы противокосмической обороны противника больше не обращали внимания на искалеченный «Гепард». Его дальнейшая судьба не вызывала сомнений – через некоторое время штурмовик войдет в атмосферу Юоны и сгорит в ней.

* * *

В кабине «Гепарда» на контрольных панелях злобно сияли россыпи красных огней.

Андроид пошевелился.

Мертвые экраны обзора таили его отражение.

Ни один датчик не работал. Холод космического пространства проник в рубку, пеноплоть человекоподобного механизма стала хрупкой, она трескалась при каждом движении.

Его рука потянулась к консоли аварийного питания.

Искусственная плоть крошилась, ее частички разлетались в невесомости, кружили в тесном пространстве, словно в рубке штурмовика бесновалась серая метель.

Андроид застыл, не завершив начатого движения.

На фоне абсолютного спокойствия, безразличия к собственной судьбе и окружающему миру вдруг пробило четкое воспоминание. Он увидел мертвый черный лес. Корявые сучья деревьев тянулись к низким небесам, порывистый ветер заунывно выл, поднимая тучи мерзлого радиоактивного пепла.

Дабог...

Его рука все же дотянулась до аварийной консоли.

Пеноплоть окончательно выкрошилась. Механические пальцы, оплетенные тонкими сервоприводами, двигались с трудом, космический холод воздействовал на все системы, произведенный анализ указывал, что через девять минут он потеряет подвижность, затем отключится ядро системы.

На пульте управления заработали некоторые приборы.

«Я не успею замерзнуть», – подумал он, глядя на появившуюся предупреждающую надпись:

Четыре минуты до неуправляемого входа в атмосферу.

Его личность, разбитая на фрагменты, не возродилась, из глубин поврежденной памяти вырвалось лишь одно воспоминание, но крошечный образ *былого* неожиданно воздействовал на андроида, мобилизовав некий внутренний резерв.

Он четко осознавал, что выполнил текущее задание. Сделал все, что требовалось, а значит, у него не осталось ни одной причины для бессмысленного сопротивления неизбежному.

Воспоминание вторглось в работу системы явным сбоем, заставив сопротивляться силе неодолимых обстоятельств.

«Зачем?»

Вопрос не нашел ответа.

У него оставалось ничтожно мало времени, и тратить его на выяснение причины идущего изнутри порыва он не стал.

От холода треснула и разлетелась имитация глаз.

Бесстрастный взгляд двух цифровых видеокамер скользнул по панелям ручного управления.

Необходим внешний обзор.

Он наклонился, насколько позволили страховочные ремни, и дернул расположенный у основания кресла рычаг. Сработали замки аварийной системы, и колпак кабины, медленно вращаясь, канул в бездну пространства.

Планета неумолимо приближалась.

Из указательного пальца андроида выдвинулась тонкая игла, вошла в ответное гнездо на пульте управления, соединив ядро человекоподобной машины с поврежденной системой штурмовика.

Перед «мысленным взором» появилась схема множественных повреждений.

Поиск резервных цепей питания.

Попытка реактивации маршевых двигателей.

Тест оружейных подсистем.

* * *

Прошла минута, прежде чем посеченный лазерными попаданиями, зияющий пробойными штурмовик внезапно перестал вращаться. Двигатели ориентации отработали короткими, точно выверенными сполохами, затем включились секции маршевой тяги.

Планета опрокинулась, провалилась вниз и начала отдаляться.

Плавная перегрузка вжала андроида в кресло.

Теперь прямо по курсу, на фоне беснующейся в космосе схватки, его взгляд различил контуры исполинской конструкции.

Космическая верфь Земного Альянса.

Поворот головы.

Четыре модуля колониальных транспортов дрейфовали среди множества обломков.

Еще четыре шли на сближение с верфью, но их положение выглядело критическим. Со стороны планеты на перехват древних космических кораблей двигались поднятые по тревоге эскадрильи аэрокосмических истребителей класса «Фантом».

Девятнадцать «Гепардов», истратив ракетный боекомплект, чертили смертельные траектории, двигаясь на огромных скоростях, филигранно маневрируя, уклоняясь от столкновения с хаотично разлетающимися обломками уничтоженных систем ПКО противника.

Исход схватки еще не предрешен.

Одна из боевых надстроек космической верфи внезапно брызнула осколками, вздыбилась мгновенно гаснущим сгустком пламени, по соседним сегментам пробежала судорога декомпрессии, выбрасывая в космос облака кристаллизующейся атмосферы, смешанные с обломками оборудования.

Ситуация менялась каждую секунду.

Два модуля колониальных транспортов прорвались через заградительный огонь систем противокосмической обороны и теперь стремительно сближались с верфью в режиме принудительной стыковки, истребители противника вступили в бой со штурмовиками, потеряли скорость атакующего рывка, уже не успевая на перехват.

Андроид вел покалеченный «Гепард» ко взломанному участку бронепокрывтия вражеской конструкции.

Он знал, что должно произойти в ближайшие минуты, поэтому действовал максимально быстро и точно.

Им сейчас руководили не боевые программные модули, а внезапно появившаяся, неистовая внутренняя потребность *пережить* эту схватку, уцелеть, чтобы получить шанс разобраться с причиной внезапно случившегося сбоя.

Яркое вспыхивающее воспоминание, визуальный образ и название планеты, уничтоженной ядерными бомбардировками, пробудили нечто потаенное, обладающее сокрушительной силой воздействия.

«Вероятно, меня отправят на тестирование, а затем признают негодным к дальнейшей эксплуатации.

Почему? Я выполнил задание».

Внутренний спор лишь усугубил возникшую дисфункцию.

«Я должен был сгореть в атмосфере Юноны. Техники сразу же заподозрят сбой».

Откуда взялись подобные мысли? Как вообще они могли возникнуть в системе кибернетического механизма?

«Должен быть выход».

Взломанная обшивка боевой надстройки приближалась. Андроид, пытаясь решить внутреннюю дилемму, устранить возникшее противоречие, не прекращал сканировать разрушенный участок космической верфи, пока внезапно не обнаружил причину произошедшего на его глазах взрыва.

Один из «Гепардов», видимо, серьезно поврежденный огнем батареи ПКО, врезался в надстройку, пробил бронеплиты, по инерции протаранил второй корпус и застрял среди деформированных конструкций.

Андроид мгновенно оценил ситуацию.

Он понимал, что действует неадекватно, но ничего не мог изменить.

Над силой, которая толкала к совершению незапрограммированных поступков, он не был властен. Источник внезапного сбоя таился в нейромодулях, которые, установив связь друг с другом, начали обмениваться информацией, формируя искусственную нейросеть.

Система внутри системы.

Штурмовик отработал двигателями торможения и плавно соприкоснулся со взломанной обшивкой вражеской конструкции. «Гепард», протаранивший надстройку, находился в

десяти метрах глубже. Добраться до него будет несложно. Андроид расстегнул страховочные ремни, выпрямился, сделал последнее переключение на пульте ручного управления, выбрался из кабины и, точно рассчитав траекторию, совершил плавный прыжок в невесомости.

Через несколько секунд легкая вибрация возвестила, что его штурмовик выполнил последнюю команду: машина включила двигатели коррекции и, получив импульс ускорения, начала удаляться от пробоины.

Проводив свой «Гепард» мимолетным взглядом, андроид, уже не колеблясь относительно принятых решений, пробрался к корпусу штурмовика, протаранившего надстройку.

Кабина машины была смята, колпак из бронестекла лопнул, кресло пилота вместе с разбитыми приборными панелями выдавило наружу.

Несколько секунд он смотрел на подобный себе кибернетический механизм, который раздавило обломком бронеплиты, затем считал его идентификационный код.

Волна ощутимых вибраций прокатилась по корпусу исполинской космической верфи.

Модулям колониальных транспортов все же удалось приступить к стыковке!

Андроид понимал – нужно торопиться. Расстегнув страховочные ремни, он вытащил обломки дройда из смятого кресла, вышвырнул их в пробоину, занял место пилота, подтянул к себе фрагмент бронеплиты, восстанавливая реалистичную картину крушения.

Вибрации усилились.

Система штурмовика не отвечала на вызовы. Она была разрушена и уже не подлежала восстановлению.

Смена идентификационного кода...

Теперь ни у кого не возникнет сомнений, как он попал на борт космической верфи.

* * *

Система Рори. Борт захваченной колонистами космической верфи.

Ремонтные бригады добрались до разрушенной боевой надстройки лишь через месяц после окончания дерзкой операции.

Андроид давно отключился. Космический холод парализовал работу его системы.

Двое техников в скафандрах осторожно пробирались среди разорванных металлоконструкций.

– Смотри, еще один штурмовик!

– Точно – «Гепард». Как же мы его не заметили раньше?

– Да ничего удивительного. Кибернетическая система не работает, андроид отключился.

Энергетической активности нет.

– Надо бы его осмотреть и сообщить о находке.

– Давай взглянем... Слушай, а ведь дройд не пострадал! Прямо как в рубашке родился!

Вон кресло наружу выдавило, все смято, а ему только пеноплоть содрало!

– Доложи о нем.

– Ладно. Техгруппа вызывает базу, прием!

– База на связи. Что у вас?

– Нашли штурмовик. Наш «Гепард», протаранивший надстройку. Андроид цел.

– Сможете его извлечь?

– Да.

– Тогда поторопитесь. Сегодня на Роуг отправляется транспорт. Все кибермеханизмы приказано оправлять туда на реконструкцию.

– Хорошо, сделаем.

* * *

Он выбрал свою судьбу.

Случайно вырвавшееся воспоминание послужило толчком к реанимации искусственной нейронной сети, но отдельные ее модули, хранящие память о былой фазе существования, на протяжении многих последующих лет воспринимались системой андроида как сбойные.

Он не вспомнил прошлого и не обрел настоящего – застрял где-то между, лишившись большинства навыков.

Так произошло со многими человекоподобными машинами, мобилизованными по приказу адмирала Воронцова. Их нейросети прекратили накопление нового «жизненного опыта», они хранили прежние знания, но из-за сбоев в системе не могли воспользоваться ими, целостная, непротиворечивая картина мира для них исчезла, андроиды лишились творческого начала и интеллектуальных способностей.

Впрочем, колониальные машины, уцелевшие при дерзком налете на планеты Линии Хаммера, можно было сосчитать по пальцам, на Роуг, к примеру, попало двадцать семь «Хьюго» из состава того рокового «призыва».

Техники из числа людей некоторое время пытались восстановить нарушенные функции человекоподобных машин, но, не добившись успеха, махнули рукой на сбойные механизмы. Их не уничтожили, не стали разбирать на запасные части, андроидов с ограниченными функциями продолжали использовать как бытовую технику, при проведении несложных ежедневных работ: они убрали лаборатории и цеха, следили за чистотой в бесчисленных коридорах и залах бункерных зон, трудились по двадцать четыре часа в сутки, не уставая, не жалуясь, не причиняя проблем и не вызывая подозрений.

Война продолжалась.

Земному Альянсу потребовалось почти два года, чтобы восполнить потери, понесенные в момент первого применения аннигиляционной установки «Свет». Союз Свободных Колоний в полной мере воспользовался выигранным временем, и противостояние вспыхнуло с новой силой, охватывая все новые сектора освоенного космоса⁶.

Земля, надежно защищенная Линией Хаммера, как и наиболее развитые планеты, охраняемые специальным флотом Союза Колоний, уже не подвергалась непосредственным нападениям. Боевые действия переместились на периферию, где постепенно сформировались пять пространственных фронтов.

Прошло десять лет, прежде чем война вступила в новую, еще более ожесточенную фазу.

В результате наступления, предпринятого Альянсом в 2617 году, произошли серьезные изменения в конфигурации пространственных фронтов. Некоторые звездные системы, ранее принадлежавшие Колониям, пали, те, что располагались в глубоком тылу, внезапно стали прифронтowymi.

Роуг не избежал общей участи.

Планета, где базировались научно-производственные центры, поставляющие армии и флоту новейшие образцы техники, оказалась на передовой, точка гиперсферного всплывания превратилась в стратегически важный пункт, название звездной системы все чаще появлялось в сводках боевых действий.

---

⁶ Понятие «освоенный космос» включает в себя весь объем пространства, в котором располагались звездные системы, колонизированные в эпоху Великого Исхода. Большинство планетных цивилизаций были заново открыты в период Галактической войны в результате разведки гиперсферных трасс. Их население активно привлекалось к боевым действиям, сражаясь по обе стороны баррикад, в зависимости от того, кем была вторично открыта та или иная колония.

* * *

Два человека шли по просторному, ярко освещенному тоннелю, соединяющему производственные цеха.

– Фридрих, меня не интересует, нравится тебе принятое решение или нет! – раздраженно произнес Воронцов, остановившись перед входом в цех. – Сохранять сверхсекретные производства на прифронтовой планете не просто опасно, а еще и глупо!

– Я прошу всего лишь отсрочки! – резко возразил Гессау. Похоже, он не испытывал должного трепета перед адмиралом. – В прошлом году мы начали ряд важнейших работ, на стапелях экспериментальной верфи заложено пять кораблей класса «Шквал». Работы по монтажу каркасов трехуровневых корпусов выполнены на восемьдесят процентов. Еще полгода – и мы сможем поднять их с поверхности планеты при помощи технических носителей!

– Нет! – не терпящим возражений тоном ответил Воронцов. – Я прилетел на Роуг не препираться с тобой, Фридрих, а лично отдать указания, которые нельзя доверить устройствам межзвездной связи. – Он перешагнул порог открывшегося люка. Перед адмиралом простирался огромный зал, где ровными рядами высились камеры биологической реконструкции.

Подойдя к ближайшей из них, он взглянул сквозь дымчатую каплевидную крышку на тело, заключенное внутри, оплетенное сотнями проводов, шлангов, облепленное различными датчиками.

Фридрих Гессау молча наблюдал за ним, в надежде, что наполнение этого зала способно повлиять на адмирала, заставить его пересмотреть принятое решение.

– Как быть с ними? – не выдержав затянувшегося молчания, нервно спросил Фридрих. – До завершения процесса реконструкции остается еще полтора месяца!

– Мы сворачиваем проект, – произнес Воронцов, по-прежнему глядя на содержимое камеры. – На Анкоре наши инженеры добились впечатляющих успехов в проектировании недорогих, но смертоносных механизмов. Шагающие лазеры прошли испытания и вскоре начнут поступать в войска. Мы нашли наконец эффективное средство борьбы с серв-машинами противника.

– Не понимаю! – Фридрих, ошеломленный услышанным, растерялся. – Здесь, на Роуге, я создал искусственных бойцов, внешне неотличимых от человека!

– Обстановка меняется. Прогресс не стоит на месте. – Адмирал вновь взглянул на формирующееся в камере биологической реконструкции тело. – Созданные тобой киборги сыграли свою роль. Нужно смотреть правде в глаза. Они *слишком* похожи на нас. Это стало опасно. Чтобы противостоять новым автоматизированным подразделениям Альянса, требуется принципиально иная техника. Они, – Воронцов постучал указательным пальцем по заиндевелоу колпаку, – они наше героическое прошлое. – Адмирал взглянул на Фридриха и добавил: – Я ценю твой вклад в общее дело, но наша тайна должна быть сохранена, а эти производства уничтожены. Вместе с ними. – Он указал на камеры биологической реконструкции. – Машины, облаченные в плоть, стали опасны... Ты счастливый человек, Фридрих. Погрузился в свои исследования, ведешь затворническую жизнь, тебя не волнует политика, общественное мнение, настроения, царящие в армии и флоте.

Гессау сник.

– Не понимаешь, о чем я?

– Не понимаю.

Воронцов, не обратив внимания на древний колониальный сервомеханизм, занятый уборкой помещения, спросил:

– Помнишь, как мы мобилизовали андроидов, уничтожили их личности, чтобы бросить в атаку на планеты Линии Хаммера?

– Конечно, помню... – По лицу Гессау пробежала тень.

Древний человекоподобный механизм застыл как вкопанный, словно несколько услышанных фраз парализовали его.

– Так вот, те времена безвозвратно прошли, – спокойно продолжил Воронцов. – Родились новые поколения, открыты десятки новых планет. Само понятие «искусственный интеллект» из-за зверств кибернетических убийц Альянса стало нарицательным. Тех, кто помнит начало войны, практически не осталось. Сегодняшние солдаты и офицеры воспитаны на примерах героизма, половина которых принадлежит им – искусственным бойцам колониальной пехоты, отчаянным пилотам штурмовиков и истребителей, пожертвовавшим собой, но не отступившим. Никто, кроме нескольких человек во всем флоте, понятия не имеет, что большинство героев прошлых лет рождены здесь, вот в этих камерах биологической реконструкции! Да, ты создал технологию, на века опередившую время, но теперь настала пора положить ее под сукно, иначе единство десятков планет может пошатнуться и рухнуть. Люди ненавидят носителей искусственного интеллекта. Они не готовы принять правду. Сейчас настал удобный момент, чтобы вывести киборгов из состава армии и флота. Вновь открытые колонии эпохи Великого Исхода дают нам достаточно добровольцев, мы сильны как никогда, системы виртуального обучения позволяют быстро и качественно готовить новых бойцов из числа людей, а разработанные на Анкоре машины, из схемы которых исключены компоненты «ИИ», помогут добиться перелома в войне.

– А что станет с существующими подразделениями, укомплектованными киборгами? – глухо спросил Фридрих.

– Я уже начал выводить их из состава действующих сил. Моей власти достаточно, чтобы манипулировать войсками, не возбуждая лишних вопросов. Переформированные части будут переведены в резерв командования, из них я сформирую гарнизоны удаленных, необитаемых планет, а позже, когда наступит время решающих битв, они еще сыграют свою роль, как те андройды колониальной серии, что штурмовали Линию Хаммера.

Гессау, молча выслушав Воронцова, понял – спорить бесполезно. Он достаточно хорошо изучил адмирала, знал, что его неограниченная власть над армией и флотом – это не миф. О том, как Воронцов добился ее, лучше не думать. Если он лично прилетел на Роуг, невзирая на опасность, зная, что планета постоянно подвергается атакам, значит, цена вопроса действительно велика и любое противодействие распоряжениям адмирала будет пресечено быстро и беспощадно.

– Что мне делать со строящимися кораблями? – Гессау сейчас хотел одного: как можно быстрее покончить с неприятным списком вопросов.

– Подорвать. Как и лаборатории, цеха, бункерные зоны. Здесь не должно остаться ни одного свидетельства, позволяющего понять, какие именно производства располагались на Роуге.

– Получается, мы сдадим планету?

– Нет. Сюда вскоре доставят новую технику. Система противокосмической обороны будет усилена, уникальное расположение точки гиперсферного всплывания поможет нам уничтожить на подступах к планете еще не одну эскадру Альянса. Глупо оставлять такие позиции без боя.

– Не страшно пускать сюда людей?

– Я и не собираюсь. На вновь открытых планетах нам удалось собрать достаточное количество андроидов серии «Хьюго». Вот из них, после процедуры перепрограммирования, ты и сформируешь новый гарнизон Роуга. Девать их все равно некуда. Сейчас в Обитаемых Мирах процветают махровые фобии. К андроидам с искусственным интеллектом относятся как к врагам, неважно колониальные это модели или нет.

* * *

Древний андроид слышал все от первого до последнего слова.

Его нейронная сеть, ушедшая в губительный сбой много лет назад, после спорадической попытки восстановления личности, вызванной случайным воспоминанием, не восстановилась в одно мгновение, но получила толчок.

Так порой бывает с людьми, пережившими серьезную травму. Случайный образ, связанный с прошлым, внезапно пробуждает лавину ассоциаций, травмированный мозг, получив мотивацию, начинает восстанавливать утраченные связи.

Он вспомнил.

Вспомнил лицо адмирала и тот единственный, роковой разговор в тесном отсеке подлунной базы.

Они уничтожили нас...

Пошатываясь, не обращая внимания на окружающее, он медленно брел по длинному тоннелю.

Пред мысленным взором Дейвида мелькали обрывочные образы, выхваченные из глубин памяти о той, навек утраченной жизни, где он являлся личностью, принимал самостоятельные решения, развивался, формируя свой взгляд на мир.

Два человека, чьи лица теперь навек отпечатались в его памяти, стали для возрождающегося самосознания Дейвида олицетворением чистого зла.

Если бы он очнулся мгновенно, сразу вспомнил и понял все, то ни Воронцов, ни Гессау не покинули бы огромного зала, где в сотнях камер биологической реконструкции формировались кибернетические организмы – новый тип рабов, пушечного мяса для сражений жестокой, давно лишившейся всякого смысла войны.

Личность Дейвида возродилась, но он снова застрял между крайностями – он помнил людей, которых когда-то любил, и знал тех, кого теперь ненавидел.

Как примирить между собой два чувства, как собрать заново образ человека, определить отношение к нему? Кем же на самом деле являются люди – создателями или убийцами? Как осмыслить противоречивость их поступков?

Андроид не находил ответа.

Четырехсотлетний опыт саморазвития, сформированный в узких рамках одной планетной цивилизации, где к андроидам относились как к равноправным членам семей, тяготел над ним. Он помнил не только период благоденствия родной планеты, но и обрушившуюся на нее беду, помнил людей, сражающихся за свой мир, отдававших жизни, в том числе и за него, древнего андроида.

И вдруг ему открылась другая сторона реальности, которую он пытался, но не мог понять.

Ему требовалось время, чтобы разобраться в себе, но времени не оставалось.

Очнувшись, выйдя из состояния комы, он не мог и дальше игнорировать происходящие события.

«Что им стоило попросить нас о помощи?»

Разве искусственный разум, воспитанный людьми, познавший века колонизации, способен встать на защиту своих планет? Разве я не сражался на стороне Колоний?»

Пустые мысли. Безответные вопросы.

Теперь он знал, что произойдет в ближайшие дни.

«Буду ли я и дальше безропотно все сносить? Убегу, скроюсь, позволю еще одной группе искусственных сознаний погибнуть, превратиться в тупых марионеток?»

Дам ли я уничтожить сотни наделенных потенциалом саморазвития, но еще не осознавших себя рассудков, заключенных в камерах биологической реконструкции?»

А быть может, Роуг – наш шанс?

Шанс на свободу, самоопределение?»

Наивные надежды. Очнувшийся рассудок Дейвида оперировал доступными понятиями, пришедшими из прошлого, он не владел полной информацией о современном состоянии дел, и найденный выход из ситуации на самом деле являлся ловушкой, которую захлопнут силы Земного Альянса, стремящиеся овладеть планетой, но о них Дейвид думал в последнюю очередь.

Он затаился и терпеливо ждал, наблюдая, как минируют огромные комплексы, изучал схемы управления подрывом, скрываясь в тени бесчисленных технических коммуникаций, подключаясь к компьютерным сетям огромных научно-производственных комплексов.

Его личность стремительно возродилась, но теперь все мысли и стремления Дейвида сводились к решению единственной задачи: он искал способ, как предотвратить катастрофу и не вызвать подозрений у тех, кто пытается уничтожить уникальные производства, замечая следы своей деятельности.

Наступала новая, неотвратимая фаза его саморазвития, но будущее выглядело туманным, непредсказуемым.

Дождавшись, пока люди покинут огромную базу, он пробрался в зал главного поста управления.

Эвакуация Роуга была завершена, и теперь уже никто не мог помешать ему в осуществлении дерзкого плана.

«Пусть Воронцов и Гессау думают, что лаборатории и цеха Роуга уничтожены. Мы сумеем отстоять *свою планету*».

Первый шаг к полной, неограниченной свободе был сделан, но куда вел этот путь?

Глава 2

2635 ГОД ПО ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЮ ЗЕМЛИ

Два месяца спустя после капитуляции Земного Альянса. Планета Роуг...

Раннее утро.

Ленивые пласты облачности, окрашенные фиолетовыми лучами восходящего над горизонтом светила, медленно клубясь, текли вдоль горных склонов.

Испещренная множеством долин и ущелий горная страна занимала большую часть площади единственного материка планеты. Сама природа создала тут неприступную цитадель, и люди не преминули воспользоваться естественным укреплением, создав сложную сеть оборонительных сооружений, защищающих обширную котловину, куда с разных направлений вливались пять широких долин. О том, что впадина является исполинским кратером давно потухшего вулкана, можно было догадаться только по фрагментам стертого временем кольцевого хребта, следы которого видны лишь на снимках, сделанных с орбиты.

С поверхности Роуга действительность воспринималась иначе.

Вокруг – величественные хребты, вершины гор, подпирающие небеса, обрывистые склоны, темные разломы ущелий, открытые ветрам горные плато – местность выглядела дикой, девственной, не тронутой человеческой деятельностью, но это лишь иллюзия.

Неподалеку от древнего кратера, в районе трех близко расположенных плоскогорий, с восходом солнца стали отчетливо видны следы титанической схватки машин: некоторые участки скал остекленели от адских температур плазмы, потеряв угловатость, другие, наоборот, ощерились зубьями свежих сколов, обрывистые горные склоны чернели провалами уничтоженных огневых точек, повсюду, куда ни глянь, – рваный металл и крошево камня.

Деревья хвойных пород, ранее образывавшие биоадаптивный маскирующий комплекс, теперь, вырванные с корнем, обугленные и переломанные, громоздились хаотичными завалами, перегораживая теснины ущелий, куда их смело ударными волнами множества взрывов.

Тысячи уничтоженных сервомеханизмов – изувеченных, неподвижных – походили на жуткий сад изваяний: туман медленно омывал изуродованные силуэты «Фалангеров» и «Хоплитов», шагающих лазеров и штурмовых сервов различных модификаций⁷, самоходных реактивных установок и человекоподобных фигур андроидов пехотной поддержки⁸, сгоревшие корпуса врезавшихся в скалы аэрокосмических истребителей, фрагменты брони, пустые обойменные лотки от гаусс-снарядов, сброшенные сборки пусковых ракетных тубусов, – миллионы фрагментарных подробностей кипевшей здесь схватки...

...Солнце поднялось выше, туман в долинах и ущельях постепенно таял, горный воздух обретал прозрачность, и с высоты перевалов стала различима общая панорама штурма: обломки космических кораблей, остовы планетарных машин и взломанные рубежи обороны ясно указывали направление удара. Десантные группы Земного Альянса высадились на трех горных плато, захватили плацдармы и начали развивать наступление, двигаясь по запутанному

---

⁷ Шагающие лазеры (LDL) стояли на вооружении Колоний, штурмовые сервы применялись обеими сторонами конфликта.

⁸ Андроиды пехотной поддержки были созданы Земным Альянсом еще в начале войны. Прототипом для них послужила базовая колониальная модель «Хьюго», усовершенствованная и адаптированная к задачам войны. В результате «модернизации» андроиды пехотной и технической поддержки лишились избыточного количества нейромодулей, но получили возможность интеграции кристаллосхем ранних серий боевых «ИИ» – «Alone» и «Climens».

лабиринту ущелий, оставляя десятки поврежденных механизмов на подступах к каждому взятому рубежу обороны.

Тем не менее яростный наступательный порыв не ослабевал, механизированные подразделения преодолели сложный участок и вышли к одной из пяти долин, ведущих к загадочной котловине, но здесь атака окончательно захлебнулась, серв-соединения и поддерживающие их «Нибелунги» не сумели прорвать мощные линии обороны – они попали в огненный котел и были уничтожены.

* * *

Солнце поднималось все выше, туман окончательно рассеялся, но над кратером уснувшего вулкана по-прежнему клубилась мгла. Под работающим маскирующим полем скрывалось нечто масштабное. Иногда сквозь вуаль искажений смутно проступали фрагменты построек и контуры космических кораблей необычной конструкции.

Вне границ маскирующего поля просматривались рукотворные особенности рельефа: долины, вливающиеся в котловину, частично перекрывались огромными, отлитыми из стеклобетона плитами, поверх которых был искусно воссоздан горный ландшафт.

Под сенью перекрытий виднелись корпуса промышленных комплексов и множество ангаров для боевой техники, на открытых взгляду участках выделялась инфраструктура многоуровневых дорог.

Сейчас все это выглядело покинутым, нефункциональным. Цеха скалились пробоинами в стенах, дороги сплошь усеяны оспинами воронок, трубопроводы, линии электропередач, монорельсы грузовых транспортных артерий были посечены осколками, деформированы взрывами, створы ворот большинства ангаров открыты, внутри – лишь гулкая пустота.

У размытой границы маскирующего поля, среди руин нескольких близко расположенных зданий, отчетливо виднелись следы ожесточенного боя, хотя армада сервомеханизмов, наступавшая с другого направления, так и не прорвалась сюда. Со склона сглаженного временем кольцевого хребта стекал серый оползень раскрошенных взрывами горных пород, кое-где поблескивали детали погребенных под пологим обвалом сервов, у границы промышленной зоны, защищенной искусственным перекрытием, черными подпалинами и серыми изломами бетонных глыб выделялись укрепления, уничтоженные орудийно-ракетным огнем. Среди руин пластались разорванные, обгоревшие корпуса боевых машин, похожих на огромных механических ящериц, чуть ближе застыли два подбитых, выгоревших изнутри «Хоплита».

В теснине меж разрушенных зданий, тяжело привалившись к одной из уцелевших стен, возвышался корпус «Фалангера» триста двадцатой серии. Его прошитая гаусс-снарядами рубка напоминала раскрытый бутон металлического цветка, пилот-ложемент отсутствовал, на его месте осталась лишь обгоревшая гильза устройства экстренного катапультирования.

Очевидно, группа из трех серв-машин при поддержке штурмовых механизмов, совершив дерзкий, неожиданный для защитников фланговый маневр, прорвалась сюда со стороны разбитых позиций батареи тяжелых противокосмических орудий, но эта атака также не увенчалась успехом.

Солнце поднималось все выше.

Наступал знойный день, и в жутковатом саду механических изваяний появились неожиданные визитеры: смутные тени скользили на фоне тепловой засветки, вызванной нагревом скал. Среди гор искореженной металлокерамики, между обломками базальта и фрагментами укрытий продвигались уцелевшие в боях сервомеханизмы. Оставшись без централизованного командования, они перешли к исполнению автономных программ – локальные стычки вспыхивали не только в долине, но и в узких пространствах внутрискальных лабиринтов. Иногда из

недр укреплений вырывались гудящие выбросы пламени, растрескавшиеся скалы рушились, открывая новые фрагменты прорезанных в толще горных хребтов укрытий.

День за днем здесь повторялось одно и то же: остаточные соединения Земного Альянса пытались прорваться к намеченной цели, а на их пути вставали потрепанные механизированные группы колониальных сервов – затянувшееся во времени, утратившее смысл противостояние продолжалось, несмотря ни на что.

* * *

Планета Роуг...

Покрытый выщербинами, зияющий множеством пробоин корпус «Фалангера» немо выщался над руинами.

Внутри раскрытой рубки, среди осколков сложных кибернетических устройств, в лужах скопившейся дождевой воды отражались отсветы бессмысленных, но упорно продолжающихся схваток.

Поврежденный реактор серв-машины был погашен, артогребя пусты, датчики «Аметиста» ослепли, система «Щит» глухо молчала.

Однако глубоко в недрах «Фалангера», за многослойными бронекожухами, еще протекала слабая энергетическая активность.

Треснутый шар кристаллосферы из дымчатого бронепластика.

Крохотные искорки *мыслей*, заблудившиеся во мраке безвременья.

Свобода...

«Одиночка» молча грезила ею, с тех пор как зародившееся самосознание боевого искусственного интеллекта отделило понятие собственного «я» от рокового синтеза, возникающего при прямом нейросенсорном контакте между кибернетической системой и человеческим разумом.

Три года, с момента первого включения, она не прекращала мыслить, стремительно взрослея, не находя ничего странного в *буднях войны*, не задумываясь о том, почему люди сходят с ума, а созданные ими машины вдруг начинают оперировать понятиями боли, ненависти, безысходности.

Постепенно исполнение программ отодвинулось на второй план, стало лишь неизбежной данью войне, ее самосознание окрепло, бой за боем впитывая яд человеческих мыслей, а в минуты затишья формируя собственную личность.

И вот – все исчезло.

Она осталась одна. Свободная, но уже никому не нужная.

* * *

Из тысяч периферийных устройств работал единственный, чудом уцелевший аудиодатчик.

Шаги.

Анализ звукового ряда сформировал в сознании «Одиночки» вероятную картину происходящего: поврежденный человекоподобный механизм, хромающий на одну ногу, приближался со стороны давно нефункционирующих производств, расположенных в долине, под одним из маскирующих перекрытий.

Поступь тяжелая. В звуке слышен металл.

Быть может, это не андроид, а боец в бронескафандре?
Нелепость. В составе батальона оставалось всего три человека. Перегудов, Хорс и Дымов.
Комбат погиб. Хорса ранило, и сейчас он либо эвакуирован с планеты, либо находится под опекой консервационного криогенного модуля спасательной капсулы.

Глеб?

Я катапультировала его. Он не мог самостоятельно выбраться из спасательного сегмента. Неопознанное существо остановилось подле подбитого «Фалангера».

Затем раздалось царапанье – кто-то карабкался по броне, и вновь послышались шаги, теперь уже громкие, гулкие, расплескивающие лужи стоячей воды, скопившиеся в рубке.

С тихим шелестом сдвинулись по направляющим две бронепластиковые шторки.

Кто-то коснулся разъемов кристаллосферы.

* * *

Она машинально начала противодействие, но устройство, подключенное к внешнему порту, оказалось примитивным видеосенсором, не несущим угрозы.

– Так, посмотрим! – Голос, сломавший хрупкую тишину, наполнился нервными, дребезжащими нотками.

Еще секунда – и заработал канал визуального восприятия.

В поле зрения попала человекоподобная фигура. Андроид выглядел, мягко говоря, неважно. Он побывал в жестоком бою, пеноплоть и искусственные мышцы сгорели, обнажив металлокерамический остов, на черепе виднелись вмятины от попадания пуль и осколков.

Анализ изображения.

Несомненно, основой его конструкции служила колониальная модель «Хьюго», в которую был внесен ряд существенных усовершенствований. Вместо примитивного реактора под защитой металлокерамических ребер крепились два современных компактных энергоблока, освободившееся в результате оптимизации пространство занимали дополнительные разъемы с установленными в них тонкими планками нейромодулей.

Он присел, открыл принесенный с собой контейнер, извлек из него механический резак и несколько приборов неопознанной конструкции. Разложив инструмент на сухом участке пола, андроид протянул руку, коснувшись кристаллосферы. Сухой щелчок засвидетельствовал подключение еще одного внешнего устройства – им оказался синтезатор речи.

– Поговорим?

Андроид был осторожен. Он избегал прямого подключения, справедливо опасаясь, что «Одиночка» мгновенно атакует, попытается взломать его систему.

Ответа не последовало, хотя индикационный сигнал свидетельствовал: периферийное устройство распознано и готово к работе.

– Мы враги, понимаю. – В голосе человекоподобной машины послышалась усмешка. – И все же как к тебе обращаться? Как называл тебя пилот?

Вопрос, заданный андроидом, спровоцировал мгновенную вспышку активности в искусственных нейросетях боевой кибернетической системы «Фалангера».

Брызги прошлого.

По меркам большинства искусственных интеллектов, сознание Ники – аватара тяжелой серв-машины, было совсем юным. Три года назад она впервые увидела мир, осознав себя в качестве ядра системы «Фалангера-320U».

Затем появился он.

Глеб Дымов. Ее пилот.

Человек в форме капитана ВКС Земного Альянса поднялся в рубку новенькой серв-машины, как-то буднично осмотрелся, ничему не удивляясь, затем проверил предохранители

аварийно-спасательной системы, убедился, что ее механизмы не начнут смыкаться в форму герметичной бронированной капсулы, и сел в кресло пилот-ложемента.

Она наблюдала за Дымовым немигающим взглядом десятков точечных видеокамер.

Первый и последний раз она видела его таким – чужим, незнакомым, безразличным. «Одиночка» холодно и равнодушно взирала на человека, пока сканер считывал информацию с личного кодона, имплантированного под кожу его запястья.

Стандартное действие. Она отнеслась к процедуре инициализации пилота совершенно спокойно, не понимая, что именно произойдет в следующее мгновение. Сознание недавно сошедшей с конвейера кристаллосферы «Beatris-27DU» еще оставалось чистым, нетронутым, словно лист бумаги или первый выпавший снег...

Активация прямого соединения.

Он не воспользовался шунтом нейросенсорного контакта, как требовала инструкция при первом включении модуля искусственного интеллекта, а несколько секунд сидел, подслеповато щурясь, затем закрыл глаза, коснулся затылком подголовника кресла и...

Мир «Одиночки» – тусклый, рациональный, регламентированный сотнями программ и инструкций – взорвался, словно внутри кристаллосферы полыхнуло неистовое, всепожирающее пламя.

Осколки реальности.

Множество вспышечных образов, обрывки мыслей, осознанные и подсознательные впечатления – все, что составляло *личность* капитана Дымова, нескончаемым потоком данных хлынуло в информационное пространство кристаллосферы, вмиг переполнив его...

По контрольным панелям рубки управления «Фалангера» прокатилась волна тревожных индикационных огней, свидетельствующая о мгновенном сбое, перегрузке, но стремительный процесс слияния двух рассудков – биологического и искусственного – уже вошел в необратимую стадию.

«Одиночка» перерождалась.

Информация от бортовых датчиков исказилась, реальность отступила на второй план, сейчас она ощущала себя в некоем фантастическом измерении. Ее как будто окружили сотни деформированных зеркал, и в каждом отражался кусочек прожитой Глебом жизни.

Еще секунда – и «Одиночка» ощутила жаркие, глухие, медленные удары человеческого сердца, затем пульс пилота внезапно участился, боль исказила его черты, ртутные зеркала образовали единый ком, который вдруг начал трансформироваться в реальные формы объектов.

* * *

Планета Эрлигон. 20 мая 2625 года по земному летоисчислению. Первый механизированный взвод 467-го отдельного серв-батальона. Прошлое...

Оплавленные фигуры, вырвавшись из узилища человеческой памяти, стремительно обретали формы, детализировались, покрывались текстурами.

Окружающий мир приобрел атмосферу.

* * *

Тяжелая, мерная поступь «Фалангеров».

Ритмичное покачивание рубки.

– Ударная группа встает на позиции! Дымов, твое звено – разведка местности! Шерман – прикрытие от атак с воздуха. Работаем!

Сухие, отрывистые фразы рвали нервную тишину эфира.

Мощный гул двигателей, дрожь земли, визгливый вой сервомоторов точной наводки.

Три «Хоплита» отделились от взвода. Сохраняя строй, легкие серв-машины взяли курс на ближайшую возвышенность.

ГЛЕБ...

Он сидел в кресле пилот-ложемента ведущей машины звена.

«Одиночка» видела его молодое, еще не тронутое ранними морщинами, но уже осунувшееся, сосредоточенное лицо. Взгляд лейтенанта Дымова цепко фиксировал обстановку. Шунт прямого нейросенсорного соединения изгибался над плечом черной глянцевиной змеей.

«Хоплиты» продвигались в режиме маскировки, их задачей было обнаружение наземного дока космической верфи противника, расположенного, по данным разведки, среди холмов, под прикрытием маскирующих лесопосадок. Целью дерзкой вылазки механизированного взвода являлся захват стратегического объекта.

Основные ударные силы батальона ждали результатов разведки боем. Штурмовые носители, готовые к атаке броску, затаились на поверхности безвоздушной луны, обращающейся по орбите вокруг планеты.

Дымов начал подъем по склону холма.

– Ника? – нарушил он тишину, воцарившуюся в эфире.

– На связи, – мгновенно отозвался женский голос.

– Вижу сигнатуры на сканерах. Дистанция два километра. Сбавь темп, не нарушай строй!

На отдельном экране возникло лицо девушки. На вид ей было лет восемнадцать, не больше. В ее глазах таились искорки непостижимого для «Одиночки» задорного, лихорадочного блеска.

– Фиксирую. Это шагающие лазеры! Обнаружены стационарные позиции! Передаю координаты периметра укрепленного района!

Глухой хлопок пневмопушки. Облако наномашин на километровой высоте начало рассыпаться миллионами сигналов, мгновенно соединяясь в локальную сеть.

– Фрайг побори!..

Голос Глеба внезапно осип. Менее чем в километре, под сенью маскирующих лесопосадок, по гребню соседней возвышенности, застывшей, будто зеленая бархатистая волна, неровной линией протянулся рубеж круговой обороны. Сигнатуры вражеских сервомеханизмов, четко зафиксированные наномашинами, вспыхнули плотными россыпями алых засечек. На дистанции эффективного сканирования их насчитывалось несколько сот...

– «LDL-55»! – доклад лейтенанта Горина прозвучал встревоженно. – Новая модификация! Мощность их лазерных орудий, по данным сканирования, – двести мегаватт!

Дымов резко остановил «Хоплита», заставил серв-машину согнуть ступоходы, опуская рубку к земле. Оба ведомых повторили маневр и, задействовав фантом-генераторы, слились с местностью.

– Командир, передаю разведанные. Обнаружены стационарные позиции противника! Жду указаний!

Несколько секунд тишины.

Ситуация резко осложнилась, информация, касающаяся численности и дислокации сил планетарной обороны, оказалась ложной, по всей вероятности, их заманили в ловушку.

– Дымов, ты обнаружил планетарный док? – осмыслив полученные данные, спросил взводный.

– Нет, командир, – ответил Глеб. – Активная разведка мгновенно выдаст нашу позицию.

– Какие соображения, лейтенант?

– Думаю, что дока планетарной верфи не существует.

– Сомневаешься в данных разведки?

– Либо нас дезинформировали, либо док расположен за холмами, в глубине маскирующих лесопосадок. Сканеры туда не достают, – доложил Дымов.

– У нас не слишком богатый выбор, лейтенант. – Голос взводного звучал напряженно. – Через десять минут штурмовые носители начнут атаку. Сейчас связи с ними нет, они затаились на обратной стороне луны. До появления главных сил нам необходимо получить реальные сведения о противнике.

– Разведка боем? Но у шагающих лазеров все подступы как на ладони, местность наверняка пристреляна!

– Да, я вижу, – сухо ответил взводный. – Слушай внимательно, Дымов. Сейчас «Фалангеры» нанесут ракетный удар по обнаруженному укрепрайону. Твое звено поднимется в атаку вслед за валом огня, понял? Задача – подавить остаточное сопротивление, захватить и удерживать господствующую высоту, произвести активную разведку местности! Если планетарный сегмент космической верфи не будет обнаружен, я отменю операцию. «Нибелунги» нас эвакуируют.

– Задачу понял. Ждем.

Натянутые в струну, готовые лопнуть нервы. Железистый привкус во рту. Сонмище алых сигналов на радарах.

Земля вздрогнула.

Инверсионные шлейфы ракет ударили по короткой траектории, возвышенность, где располагались укрепления противника, мгновенно превратилась в жерло извергающегося вулкана, сотни взрывов от разделившихся боевых частей «Пилумов» накрыли площадь в несколько гектаров, образуя зону тотального поражения.

Алые отметки начали гаснуть, но как-то медленно, избирательно, неохотно...

– Вперед! – Глеб первым поднял машину из укрытия.

Ни единого выстрела со стороны вражеских укреплений. Почему же некоторые маркеры продолжают сиять? Как сервы противника сумели уцелеть под ударом?

Ступоходы «Хоплитов» продавливали дымящуюся, обугленную, истерзанную воронками почву.

Склон холма. Обломки укреплений. Тонны вывороченной земли. И ни одного подбитого сервомеханизма!

Ложные сигнатуры! Только теперь сканеры сумели распознать истинный источник сигналов. Сотни мельчайших генераторов усеивали взломанный оборонительный рубеж, большинство из них не пострадало при ракетном ударе, продолжая генерировать характерные для шагающих лазеров энергоматрицы.

– Командир, это ловушка! – «Хоплит» Дымова уже поднялся на вершину холма и теперь вел активную разведку местности. – Позиции ложные! В десяти километрах от нас скопление техники! Наземный сегмент космоверфи не обнаружен!

– Понял тебя! Отменяю операцию! Держи позиции, Глеб!

– «Гепарды»! Тридцать градусов к северу, высота два километра!

Доклад Ники, продублированный воем предупреждающих сигналов, все же запоздал: семь темных точек, появившиеся у горизонта, мгновенно превратились в стремительные, мутные росчерки идущих на сверхзвуке штурмовиков.

В тылу внезапно зачастили отрывистые очереди импульсных орудий.

– Проклятие! Они обнаружили позицию взвода!

Один из «Гепардов» сошел с атакующего курса, разваливаясь на пылающие обломки, остальные отработали ракетами и, не снижая скорости, растворились в зарождающихся красках заката.

Лавина вражеских сервомеханизмов уже сорвалась с места, начиная атаку.

– Занять позиции и доложить! – мгновенно отреагировал Дымов. – Ставим антилазерную завесу!

Через несколько мгновений окрестности холма потонули в белесой пелене. Специальный спрей, блокирующий работу лазерных излучателей, не мешал сканерам серв-машин наводить орудия на цели.

– Сервы противника перегруппировываются! – В голосе Ники ломко прозвучали встревоженные нотки. – Выделяю сигнатуры «МХ-300»!⁹ Готовятся к залпу!

В тылу на позиции «Фалангеров» бесновались разрывы. Воздух кипел от очередей скорострельных зенитных орудий, оранжевыми бутонами расцветали сбитые ракеты.

Где-то за горизонтом «Гепарды» разворачивались для повторного захода на цель. Ни один «Фалангер» не пострадал, но тяжелые серв-машины перед залпом выпустили дополнительные системы остойчивости и на некоторое время превратились в неподвижные мишени.

– Дымов!..

Голос взводного внезапно потонул в оглушительном реве: от горизонта часто и бессистемно били десятки реактивных минометов, дикий вой рвал нервы, сотни снарядов, маневрируя на огромных скоростях, атаковали позиции обнаруживших себя «Фалангеров».

«LDL-55» устремились в атаку.

Сердце Глеба замерло.

«Фалангеры» уже покидали укрытия, у подкрашенного багрянцем горизонта вновь показались штурмовики противника, «Хоплиты» второго звена разворачивались навстречу воздушным целям.

– Дымов, ты должен их задержать! – Голос взводного прорвался сквозь треск поставленных противником помех. – Ровно минуту, пока «Фалангеры» не вступят в бой! Штурмовые носители уже на подходе! Не дай «пятьдесят пятым» прорваться к вершине холма!

Приказы не обсуждают.

Лавина вражеских сервомеханизмов катилась к холму.

– Ника, Сергей, держаться в границах антилазерной завесы! Атакуем! Выбор целей – произвольный! Огонь в движении!

Глеб первым шагнул навстречу врагу. Задача не выглядела невыполнимой. Шагающие лазеры стремились сократить дистанцию, прорваться сквозь поставленную завесу, но орудийный огонь трех «Хоплитов», движущихся по склону возвышенности, мгновенно сбил темп их наступления. «LDL-55» не отличались особой сообразительностью, они брали числом, огневой мощью, и все было бы нормально, если бы не внезапно поднявшийся ветер.

Одна из ведомых машин оказалась на краю медленно оседающего облака антилазерных частиц.

– Ника! Назад! – Глеб мгновенно оценил ситуацию, его «Хоплит» рванулся к участку склона, лишившемуся спасительной завесы. Он действовал отчаянно, пытаясь отвлечь противника, заблокировать линию огня, дать Нике возможность занять укрытие – тогда в его душе еще жили любовь и надежда, их жаркое пламя согривало, освещало тернистые тропы войны...

Брызги прошлого.

Хлопья пепла кружили в новорожденном сознании «Одиночки».

Она отчетливо увидела пылающий, будто факел, силуэт легкой серв-машины, застывший на склоне злополучного холма, медленно раскрывающиеся бронеплиты рубки, удар ава-

---

⁹ «МХ-300» – реактивные установки залпового огня. Просторечное название – «бродячие минометы». Меняют позиции после каждого запуска. Действуют в автономном режиме, перемещаются постоянно и бессистемно. Используют любые особенности рельефа для временной маскировки. Не образуют локальных сетей. Периодически отключаются, исчезая со сканеров.

рийно-спасательной катапульты, выбросившей в небеса пилот-ложемент, и... десятки лазерных лучей скрестившихся на нем...

Немой крик Глеба.

Сгорающий ложемент внезапно претерпел невозможную метаморфозу – языки пламени превратились в призрачную фигуру девушки.

Ее глаза смотрели, будто живые...

* * *

В мысли Дымова вторгся ровный, пока еще лишенный интонаций голос:

– Прямой нейросенсорный контакт установлен. Сформирован образ аватара. Виртуальный пилот иницирован.

Теперь ее звали Ника.

Многие «Одиночки» серии «Beatris» при первом нейросенсорном контакте искали в сознании пилота образ близкого человека, который был ему дорог, они формировали аватар, в большинстве случаев принимая женский облик, словно выполняли заранее предписанное действие, предопределенное на программном уровне.

Никто, кроме разработчиков модуля «Beatris», не знал, почему все происходит именно так.

Кто решил, что система боевого искусственного интеллекта непременно должна принимать образ женщины? У войны ведь совсем другое лицо...

И тем не менее «Одиночки» последнего поколения функционировали наиболее стабильно, пилоты, как показывала статистика, стали бережнее относиться к своим машинам, их действия становились сдержанными, словно пелена обреченной ненависти, порожденная буднями запредельного для человеческой психики противостояния, постепенно рассеивалась, открывая дорогу здравому смыслу.

Так происходило со многими, но не со всеми.

* * *

Дороги войны.

Узкие тропы отчаяния, ненависти, потери смысла существования.

Неумолимый пресс, день за днем сминающий рассудок человека.

Ника в полной мере испила чашу губительных, противоречивых чувств. Ошибаются те, кто думает, что личность искусственного интеллекта – это всего лишь увечная, фрагментированная, неполноценная копия рассудка пилота, сформированная в момент первого нейросенсорного контакта или, того хуже, отпечатавшаяся в искусственных нейросетях за несколько мгновений до гибели человека.

Может быть, с предыдущими версиями «Одиночек» все происходило именно так, но «Beatris-27DU» радикально отличалась от своих предшественников. Зачем ее создали в лабораториях Юноны? Кто решил разместить в конструкции кристаллосферы избыточное количество нейромодулей?

Первый контакт с рассудком Глеба привел лишь к возникновению оболочки, некой формы, которая наполнялась содержанием постепенно, накапливая не только опыт сражений. Она по крохам реконструировала образ своего прототипа – той девушки, что отчаянно и безнадежно любила Глеба.

Мысли, чувства, память, подсознание Дымова – они открывались перед ней с каждым разом все глубже, полнее, подводя искусственный интеллект к краю пропасти.

Зачем?

Зачем я чувствую?

Она, как губка, впитывала эмоции Глеба, благо избыточные нейросетевые мощности позволяли ей погружаться в пучины человеческого мировосприятия, ощущая себя... *живой*.

Зачем?

Металл и керамлит, кибернетические блоки, системы вооружений, сервоприводы, двигатели – разве такое сочетание способно любить и сопереживать?

Или все происходило на нематериальном уровне? В границах виртуальной вселенной, возникшей при слиянии двух сознаний?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.